

18+

Н
У
Р
И
Х
А
Н

К
И
Я
Р
О
В
А

*ТЕРНОВЫЙ
ВЕНЕЦ*

*рассказы
об
Александре Пушкине*

Нурихан Киярова

Терновый венец. Рассказы об Александре Пушкине

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67333712
ISBN 9785005625557*

Аннотация

О любимом поэте лучше Н. В. Гоголя никто не сказал: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...» И, хотя прошло уже 185 лет со дня смерти поэта, его имя глубоко чтят и любят все поколения читателей. В этой книге повествуется о всех состоявшихся и несостоявшихся дуэлях поэта, его предках, отношениях с родными и близкими, а также с любимыми женщинами.

Содержание

I. Честь – никому!	7
Несостоявшаяся дуэль с Кавериным (1817 г.)	12
Несостоявшаяся дуэль с Ганнибалом (1817г.)	15
Дуэль с Кюхельбекером (1818г)	17
Несостоявшаяся дуэль с Корфом (1819г.)	23
Несостоявшаяся дуэль с Денисевичем (1819г)	25
Несостоявшаяся дуэль с Николаем Тургеневым (1820г.)	28
Дуэль Пушкина с поэтом Рылеевым (1820г.)	32
Дуэли в Кишиневе. Несостоявшаяся дуэль с Орловым и Алексеевым (1820г.)	38
Несостоявшаяся дуэль с Другановым (1820г)	43
Несостоявшаяся дуэль с бароном С... (1821г.)	45
Несостоявшаяся дуэль с Дегильи (1821г.)	47
Несостоявшаяся дуэль со Скиной (1821г.)	50
Несостоявшаяся дуэль с Лановым (1822г.)	52
Несостоявшаяся дуэль с Инглези (1822г.)	55
Дуэль с Зубовым (1822г.)	58
Дуэль со Старовым (1822г.)	59
Несостоявшаяся дуэль с Балшем (1822г.)	66
Еще три несостоявшиеся дуэли в Кишиневе (1822г.)	71
Несостоявшаяся дуэль с Руссо (1823 г.)	73

Несостоявшаяся дуэль с Федором Толстым (1826г.)	76
Несостоявшаяся дуэль с Соломирским (1827г.)	80
Несостоявшаяся дуэль с Великопольским (1828г.)	84
Несостоявшаяся дуэль с Лагрэнэ (1828г.)	87
Несостоявшаяся дуэль с Хвостовым (1829г.)	90
Несостоявшаяся дуэль с Репниным (1829г.)	93
Несостоявшаяся дуэль с Хлюстиным (1836г.)	97
Несостоявшаяся дуэль с Соллогубом (1836г.)	102
Преддверие дуэли А. Пушкина	108
Конец ознакомительного фрагмента.	121

Терновый венец

Рассказы об

Александре Пушкине

Нурихан Киярова

© Нурихан Киярова, 2022

ISBN 978-5-0056-2555-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Все права защищены. Воспроизведение всей книги или любой ее части любыми средствами и в какой-либо форме, в том числе, в сети Интернет, запрещается без письменного разрешения автора

О любимом поэте миллионов читателей лучше Н. В. Гоголя невозможно сказать: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет...» Именно Александр Пушкин создал эталон русского литературного языка и при жизни заслужил славу величайшего национального русского поэта. И, хотя прошло уже 185 лет с того времени, как трагически погиб гений русской литературы, интерес к его произведениям,

его личности только возрастает, его имя глубоко чтят и любят все поколения читателей во многих странах.

В этой книге повествуется о всех состоявшихся и несостоявшихся дуэлях поэта, его предках, отношениях с родными и близкими, а также с любимыми женщинами.

I. Честь – никому!

Дуэли в русскую жизнь проникли с запада. Первая дуэль, которая состоялась на Руси, была в Москве в 1666 году. Поединок был между двумя наемными иностранными офицерами – шотландцем Патриком Гордоном и англичанином майором Монтгомери.

Прошло 16 лет и редкие случаи дуэлей вынудили царевну Софью 25 октября 1682 года издать указ, где она разрешала всем служилым людям Московского государства носить личное оружие, оговорив запрет на поединки. Так велик был её страх, что их будут использовать на дуэлях.

Следом Петр Первый, который активно перенимал европейские обычаи и насаждал их в России, предупредил распространение дуэлей жестокими законами против них. Так, например, глава 49 Воинского устава 1715 года, то есть, «Патент о поединках и начинании ссор», провозглашала: «Никакое оскорбление чести обиженного никаким образом умалить не может», – и предписывал потерпевшим и свидетелям происшествия незамедлительно донести о факте оскорбления военному суду. Недонесение каралось.

В этом Патенте Петр I установил такие наказания:

- за сам вызов на дуэль – лишать чинов и частично конфисковать имущество;
- за выход на поединок и обнажение оружия – смертная

казнь с полной конфискацией имущества.

Секунданты несли точно такие же наказания. В Артикуле донесений 1715 года, который был приложением к петровскому указу, говорилось, что «все вызовы, драки и поединки чрез сие наижесточайше запрещаются». И кто бы их ни нарушал – иностранец или русский, чем бы он ни руководствовался – сам ли он вызывал или его вызывали – все подвергались казни через повешение.

Эти страхи усугублялись зловещими строками: «Но... хотя из них кто будет ранен или умерщвлен... то их и по смерти за ноги повесить».

Следующая статья, то есть, «артикул 140», оговаривала то же самое и в отношении секундантов: «Ежели кто с – кем поссорится и упросит секунданта», то и его «таким же образом наказать надлежит».

Эти устрашения семьдесят лет оставались без применения – вплоть до середины царствования Екатерины – понятие чести в его европейском значении еще не вошло в сознание русского дворянства, и дуэлей практически не было.

Они стали распространяться среди дворянской молодежи только через 70 лет после издания тех указов. Но старшее поколение сильно осуждало их, и они считались делом против совести.

Потому Денис Иванович Фонвизин, знаменитый автор «Бригадира» и «Недоросля», писал: «Мы живем под законами, и стыдно, имея таковых священных защитников, каковы

законы, разбираться самим на кулаках или на шпагах, ибо шпаги и кулаки суть одно, и вызов на дуэль есть не что иное, как действие буйной молодости».

Александр Пушкин, который более 30 раз – или сам вызывал на дуэль, или его вызывали, – писал в своей «Капитанской дочке», вложив эти важные слова в уста отца Петра Гринева, имевшего поединок с Швабриным: «...собираюсь до тебя добраться да за проказы твои проучить тебя путем как мальчишку, несмотря на твой офицерский чин: ибо ты доказал, что шпагу носить еще недостойн, которая пожалована тебе на защиту отечества, а не для дуэлей с такими же сорванцами, каков ты сам».

С развитием образования и сословного воспитания новых поколений дуэли все более распространялись среди дворянства. Но оно, хоть и было верно присяге и престолу, всё же не допускало при этом вмешательства государства в дела чести. Они распространились при Александре I.

После смерти брата и восшествия на престол Николай I еще воздерживался от лютых наказаний за дуэль, но был вынужден в «Своде законов уголовных», 1832 года, и «Уставе военно—уголовном», 1839 года, подтвердить наказуемость дуэлей; а воинских начальников он обязывал «стараться примирять ссорящихся и оказывать обиженному удовлетворение взысканием с обидчика».

Но никто ни его, ни его законов не испугался, мало того, везде отмечали, что дуэли именно в России отличались ис-

ключительной жесткостью условий неписаных кодексов: дистанция колебалась от 3 до 25 шагов (чаще всего – 15 шагов); встречались даже дуэли без секундантов и врачей, один на один; нередко дрались до смертельного исхода; порой стрелялись, стоя поочередно спиной у края пропасти – чтобы в случае попадания противник не остался в живых...

Командиры полков, призванные защищать закон, формально сами поощряли в офицерской среде такое чувство чести; мало того, под разными предлогами они освобождались от тех офицеров, отказывавшихся драться на поединке.

Так было и в лейб-гвардии гусарского полка, стоящем в Царском Селе, где лицеист Александр Пушкин с 1814 года тесно общался с гусарами; его близкий друг, Петр Каверин, к этому времени убил на дуэлях 10 человек; так было и в Кишиневе, куда поэт прибыл под начало генерала Инзова, масона, и где он впитал все неписанные законы чести среди офицеров. Здесь ему даже лестно было драться с бывалым командиром егерского полка Семеном Старовым, который заступился за своего подчиненного и вызвал Пушкина. Но, к чести, обоих, после неудавшегося поединка на поле за Кишиневом, на так называемой малине (сады), из-за пурги, которая относил пули в сторону, сначала отложили продолжение поединка, а потом сумели и примириться.

Александр Пушкин был отличным стрелком, но в то время этого было мало – еще существовал неписанный дуэльный кодекс России, согласно которому дуэльные пистолеты спе-

циально покупались новыми и никогда не пристреливались. Это делало даже опытного стрелка равным тому, кто первый раз держал пистолет в руках. Дуэлянт был способен лишь навести его в сторону противника.

Пушкин в «Евгении Онегине» показал: пистолет начала XIX века был оружием сложным и разносторонним. После первого выстрела, вероятность попадания при котором была крайне мала, пистолет ввиду долгой перезарядки не мог более использоваться в бою, как огнестрельное оружие. Поэтому при дуэли с Данзасом он стрелял второй раз тоже из второго нового пистолета.

Емкую и сжатую формулу: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!» Александр Пушкин перенял у друзей-офицеров и всегда соблюдал неукоснительно.

Дуэли были в своем апогее...

Несостоявшаяся дуэль с Кавериным (1817 г.)

Петр Каверин, гусар, с которым Пушкин познакомился в Царском Селе, был сыном калужского губернатора, а после – и сенатора. Мать же его – Анна Петровна, была побочной дочерью графа Корсакова.

Петр, который был старше Пушкина на пять лет, окончил Московский университетский пансион, затем – Московский и Геттингенский университеты. Работал переводчиком, а с 1813 года, то есть, с девятнадцати лет, служил сотенным начальником Смоленского ополчения.

После того, как французы покинули разоренную Россию, Каверин принял участие в заграничных походах (Дрезден, Лейпциг) как адъютант генерала Вистицкого.

После заграничного похода лейб-гвардии гусарский полк оказался в Царском Селе, где здесь, в лицее, учился юный поэт Александр Пушкин. Несмотря на разницу лет, они подружились, и начали творить свои шалости.

Саша заметался, не зная, к какому берегу прибиться – с одной стороны Карамзины, Жуковский, Чаадаев, которые с ним нянчились, наставляя на правильный путь, а с другой – бесшабашные гусары Каверин Петр – пьяница, гуляка, дуэлянт, Молоствов Пампфамир – любитель мальчиков и задир, а также не отстающий от них Соломирский Павел.

Именно они развратили душу неискушенного еще Саша Пушкина. Недаром он наделил Каверина прозвищем – «наставник в разврате»: тот бесстыдно хвастался любовными подвигами, постоянно матерился, делал огромные ставки в картах, пил неумеренно. Ко времени их знакомства на его счету было уже не менее дюжины убитых на дуэли.

В стихотворении «К портрету Каверина», Александр Пушкин о нем писал:

В 1817 году, в полку на дежурстве графа Завадовского Василия Петровича, камер-юнкера, на пол приземлился листок. Его поднял и начал читать оказавшийся здесь же Пашков Андрей Иванович, обладатель огромного носа. Стихи были названы «Молитва лейб-гусарских офицеров».

В этой «молитве» звучали такие слова:

Пашков вскипел и с негодованием кричал, что побьет Пушкина. К нему присоединился и Каверин.

Завадовский, чтобы избавить Пушкина от неприятностей, признался, что эти стихи написал он – ведь дело грозило окончиться дуэлью, чего он не мог допустить.

Волнения и крики дошли до командира гвардейского корпуса князя Васильчикова. Илларион Васильевич созвал офицеров будто бы для объяснения, но, чтобы помирить их. После беседы все с ним согласилось. Однако Каверин перестал разговаривать с юным другом.

И Саше Пушкину пришлось написать ему извинительное послание:

Размолвка продолжалась недолго, их отношения вскоре восстановились. После окончания лицея Александр Пушкин иногда встречался с Кавериним, но всю жизнь состоял с ним в переписке.

В нем пунша и войны кипит
всегдашний жар,
На Марсовых полях он грозный
был воитель,
Друзьям он верный друг,
красавицам мучитель,
И всюду он гусар.

Избави, Господи, Любомирского чванства,
Избави, Господи, Каверина пьянства...
Избави, Господи, Кнабенау усов,
Избави, Господи, Пашковских носов...

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи...

Несостоявшаяся дуэль с Ганнибалом (1817г.)

В 1817 году, окончив лицей, летом Саша Пушкин приехал в Михайловское, к родителям, находившимся обыкновенно во время теплых месяцев в своей деревне. Но юный поэт здесь скучал.

Сейчас он лежал в убогой комнатке, задрав ноги на спинку кровати, исследуя потолок, отмечая каждую щербинку, каждую трещинку, каждую неровность. Но мысли были заняты дуэлями.

Улыбнулся, вспомнив приезд после лицея в Михайловское, и встречу с дядюшкой Ганнибалом. «Как же мне было там хорошо первые три дня! Я съел тогда столько клубники, что и не упомяну, чтобы когда-нибудь ел еще столько!.. Там же и полюбил русскую баню... А как по соседям кочевал! Каждый хотел затащить меня к себе в гости. Вот и сосед по имению, да, еще и родственник, Павел Ганнибал, человек бесшабашный, любящий веселье и разврат...»

Перед ним, как наяву встала картина: он от стука просыпается, идет к двери, а там, держась за скобу одной рукой, стоит невысокий, полный смуглый человек, с огненными глазами навывкате. В правой руке он держит поднос, на котором высится бутылка шампанского.

Глядя на него искрящимися глазами, дядя представляет-

ся:

И он кидается ему на шею — уже любит его. И с той минуты они не разлучались: много пили, ходили на деревенские гуляния. Однажды, танцуя котильон с какой-то барышней, он заметил, что дяде вздумалось отбить ее у него.

«И чего только я в ней тогда нашел? Вставные зубы, несвежий цвет лица... Из-за нее вызвал дядю, с которым так подружился, на дуэль. Хорошо — у него хватило ума не допустить ее, пропев экспромт, как и в первый раз:

Смеясь, обнялись, все тем и кончилось.

Кто—то в двери постучал —
Подполковник Ганнибал...

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей Богу, Ганнибал
Ссорой не подгадит бал!»

Дуэль с Кюхельбекером (1818г)

Однажды, желая оказать Кюхельбекеру услугу, Саша Пушкин имел неосторожность ввести его в дом поэта Жуковского. Теперь Василий Андреевич от этого страдал: Кюхельбекер зачастил к нему и «заговаривал» до такой степени, что он невольно начал избегать молодого педагога, деликатно показывая, что утомлен его неумемной болтливостью.

Как-то раз (1818г.) Александр договорился с поэтом Жуковским встретиться вечером на приеме. Явившись туда, долго пытался высмотреть долговязого старшего друга в толпе гостей. Однако так и не нашел.

Утром, как обычно, прибежал к нему с очередными светскими новостями, которых набрался на приеме, и сразу напал на Василия Андреевича:

– Что же ты, милый, не пришел вчера на прием? Я весь извертелся, ища тебя глазами!

– Пу-у-шкин! Из-за твоего Кюхельбекера я не смог попасть на званый ужин! – отрезал тот недовольно.

– Как это? И при чем здесь Кюхля?

– А при том, что он пришел и не уходил до поздней ночи! – вырвался крик у несчастного. – Не мог же я его одного бросить или выпроводить?.. – Нехотя добавил: – Да и желудок у меня расстроился...

Саша смеялся долго:

– Не иначе, как ты заразился от его словесного поноса – желудочным!..

Вечером вернулся к еще не успокоившемуся другу и произнес примирительным тоном:

– Ладно, не сердись, милый! Я тебе принес утешительный подарок. – Быстро достал листок из внутреннего кармана исписанный и измаранный исправлениями лист. – Вот! Слушай:

Бледный еще Жуковский хохотал до колик, сложившись пополам, и только всхлипывал:

– Как ты сказал? Ах—ха—ха. Кюхельбекерно? Ах—ха—ха... Ах!

Отдышавшись, вдруг спросил:

– Скажи, а при чем же здесь мой Яков?

– Да ни при чем! Это для рифмы, – тоже лучась весельем, отмахнулся зубастый Саша.

Он был страшно доволен своей выходкой и утром, явившись к барону Дельвигу, рассказал ему и поэту Евгению Баратынскому, молодому поэту, с которым Антон снимал жилье, об этом курьезном случае.

Дельвиг тоже знал способность Кюхельбекера вести нескончаемые нудные разговоры и неумение вовремя откланяться – сам страдал от них немало!

– А, ну-ка, повтори нам ещё раз эпиграмму! – попросил он, смеясь.

Долго они потом потешались, вспоминая нелепые выход-

ки Вили, рассказывая о них Евгению и хохоча до упаду...

Пробыл у друзей Саша часа два и убежал. По дороге домой понял, что больше всего он любит бывать у Тоси. Дельвиг, после окончания лицея, был определен в департамент горных и соляных дел, где в основном развлекал сослуживцев веселыми историями и анекдотами, не особо вникая в работу и получая крохи. Вот почему у них с Евгением в комнате было пусто, да и еды почти никогда не бывало. Но всё же у них весело и беспечно...

Саша Пушкин еще не знал, что после его ухода, поздно вечером, в дверь Тоси и Жени раздалась сердитая барабанная дробь и в их маленькую комнатку ворвался страшный Кюхля: голова всклокочена, щеки горят, он размахивает длинными руками и не может начать говорить – от возмущения.

Женя бросился к нему в тревоге:

– Виля! Виля! Что с тобой?

– Со мной? Со мной – ничего! – Повернулся к Дельвигу: – Тося! Передай Французу, что я вызываю его на дуэль. А ты будешь моим секундантом!

– Какую дуэль? Ты с ума сошел!?

Но Кюхельбекер только раздраженно и беспорядочно размахивал руками и бормотал:

– К черту, к черту!

– Виля, ну, подожди! Ты же можешь убить его – надежду России!... – в голосе Дельвига задрожал страх.

– Donnerwetter! Доннерветтер! (Черт подери!) Не хочу ни-

чего слушать!.. И не старайся!

Долгие уговоры Дельвига и Баратынского ни к чему не привели и утром Антону пришлось идти к Саше с неприятной миссией и выложить условия Кюхли...

И вот друзья стоят у какого-то недостроенного склепа на Волковом поле и ненавидяще сверлят друг друга глазами. Но, спустя минуту, Сашка не удержался: нельзя было без смеха видеть, как Кюхля целится, – и он прокричал с улыбкой Дельвигу:

– Тося! Становись на мое место – здесь безопаснее всего!

Кюхля от бешенства затрясся, молниеносно сделал круг вполоборота, и – раздался выстрел...

Дельвиг схватил свою фуражку в руки и с удивлением стал рассматривать на ней дырочку – Кюхля умудрился прострелить ее и не задеть его самого!..

Александр, который тоже не ожидал такой прыти от неуклюжего Кюхли, опомнился и начал громко хохотать, а потом, бросив пистолет, подбежал к посрамленному другу и стал обнимать его со словами:

– Послушай, Кюхля! Говорю тебе без лести: ты стоишь дружбы без эпиграммы. Но пороха ты не стоишь, ей богу!

Пристыженный всем происшедшим, Кюхля в ответ обхватил его неловкими руками, и они принялись шутливо мутузить друг друга. Сашка, смеясь, вывернулся из его объятий и сделал сальто, как бывало в лицее, когда его переполняли радостные чувства...

Жанно Пушкин, которому Антон вечером рассказал о дуэли друзей, рассердился не на шутку:

– Тося, скажи, ты думал, что поощряешь преступление? А если бы Виля на самом деле убил Француза?! Сашка, знаю, никогда бы не стал стрелять в него! Ты понимаешь, что Виля, из глупой гордости, застрелил бы будущее, вдумайся! будущее нашей российской поэзии! Ты понимаешь, что вы, два оболтуса, чуть не натворили!?

Дельвиг виновато сопел курносым носом. Он знал, что Жанно прав: он – серьезный человек, чуждый светских развлечений, целеустремленный и уравновешенный. Не то, что они – все вместе взятые. И всегда был таким. Он и сейчас серьезно служит...

Жанно перебил его мысли:

– Но, знаешь, Антон, ты, оказывается, еще более безрассуден, чем те двое. Тебе надо было приложить усилия не к тому, чтобы состоялась дуэль, а к тому, чтобы ее предотвратить. Эх, ты!.. Как же истребить в нас это ложное чувство чести!?

Разошлись очень недовольные друг другом, не зная, что будут у их друга дуэли, и не одна, и не две, о которых даже они и не будут знать...

За ужином объелся я,
А Яков запер дверь оплошно.
Так было мне, мои друзья,
И Кюхельбекерно, и тошно...

Несостоявшаяся дуэль с Корфом (1819г.)

На Фонтанке рядом жили Модест Корф и Александр Пушкин — бывшие лицеисты, не дружившие и в лицее.

Однажды между ними даже чуть не произошла дуэль из-за Никиты, дядьки Александра с малых лет, который забрался в дом Корфа, чтобы побить его лакея.

Никита вспомнил об этом случае в тот момент, когда к Пушкиным домой пришел человек с бегающими глазами и неприятным лицом. Этот шпион хотел его подкупить, прося отдать ему, ни много, ни мало — бумаги его молодого барича!

С достоинством отвернувшись от предложенных ему денег этим неприятным человеком, он сплюнул себе под ноги. «Откуда может знать этот недостойный шпион, похожий на лису, про благородство моего молодого барина, который не задумываясь, вызвал на дуэль барона Корфа — за то, что тот меня побил, когда я, кх-м-м! немного в подпитии, пытался выяснить отношения с его камердинером в передней у него?!

Если бы я тогда знал, что барчук вызовет барона на дуэль из-за меня, я бы ему тогда и не жаловался!». — Никита гордо поднял голову: барчук тогда, немедленно загоревшись, послал вызов обидчику своего слуги!

Это потом только он подобрал скомканную бумажку, выкинутую хозяином в сердцах, и полюбопытствовал-подсмотрел, что ответил барон на тот вызов. На бумаге твердым красивым почерком было написано: «Не принимаю Вашего вызова из-за такой безделицы не потому, что вы – Пушкин, а потому, что я – не Кюхельбекер...»

Несостоявшаяся дуэль с Денисевичем (1819г)

Александр Пушкин вспоминал чувства, которые его обу-
ревали, когда хотел подраться с майором Денисевичем. Он
хотел удовлетворения, чтобы поставить на место зарвавшие-
гося майора. Только жажда мести – и никакого страха! Ду-
эль – вот решение всех спорных вопросов.

Ссора встала перед ним так живо, как будто это происхо-
дило только вчера. Всё ведь вышло из-за пустяка! Он в те-
атре случайно оказался рядом с Денисевичем и, недоволь-
ный игрой, сначала зевал, потом шикал на артистов, потом,
не выдержав их гадкой игры и крикнул: «Несносно»!

Соседу пьеса, наоборот, нравилась – он не отрывал от сце-
ны взгляда... Сначала он молчал, потом начал громко со-
петь, а потом повернулся к нему:

– Вы мешаете мне слушать пьесу...

Он только взглянул на него и продолжал свои действия.

Денисевич, красный, как рак, опять обернулся, чтобы ска-
зать:

– Я потребую полиции вывести вас из театра.

– Хорошо. Посмотрим, – небрежно уронил он. «Ха! Май-
ор—замухрышка не успокоится никак!».

Денисевич до окончания пьесы недовольно на него косил-
ся еще не раз, однако не стал вызывать полицейских...

Но, когда спектакль закончился и зрители начали расходиться, тот, дождавшись, поймал его в коридоре:

— Молодой человек, — обратился к нему с поднятым указательным пальцем. — Вы мешали мне слушать пьесу ...это неприлично, это невежливо!

— Да, я не старик — люблю покуражиться, — ухмыльнулся Саша. — Но, господин штаб-офицер, еще невежливее здесь и с таким жестом говорить это мне... — Взял быка за рога. — Где вы живете?

Тот подозрительно смотрел на него несколько мгновений, но адрес все-таки назвал:

— Я живу в доме Остермана. На Галерной. Можете приехать ко мне в восемь утра.

Блеснул зубами в ответ: «Ба! По всем правилам... Что ж. Встретимся с чопорным «воспитателем», —и жестко ответил: «Буду!»

На другое утро явился по указанному адресу в сопровождении двух офицеров-гвардейцев — Каверина и его адъютанта.

— Ну-с, вовремя мы прибыли? — насмешливо удостоверился Пушкин у нахохлившегося малороссийца.

— Я звал вас к себе не для благородной разделки рыцарской, а сделать поучение, как подобает сидеть в театре... — ответил тот с напыщенным видом. И пригласил зайти. В дом

В помещении, куда тот их провел, Саша заметил небольшого росточка адъютанта Денисевича, неотрывно на него

глазеющего, который вдруг что-то зашептал майору. Извинившись, они стремительно ушли в другую комнату. Через некоторое время оба вернулись, и Саша удивился метаморфозе с майором – тот стал просить у него извинения!

– Что ж... Если вы так желаете! – Удовлетворился этим и уехал.

Пушкин не предполагал, что дуэль не состоялась только потому, что адъютант майора, Лажечников, будущий автор «Ледяного дома», узнал его и убедил Денисевича не связываться с известным молодым поэтом, «хоть и повесой».

А молодой повеса не боялся дуэли. «Если бы и стрелялись, я попал бы точно в цель! Не зря же я всё время руку тренирую тяжелой палкой – она тверда, как сталь!». – Усмехнулся, оскалив белоснежные зубы.

Несостоявшаяся дуэль с Николаем Тургеневым (1820г.)

Значение всех братьев Тургеневых для Александра Пушкина было неоценимо. Он был принят в Царскосельский лицей благодаря именно старшему из братьев – Александру Ивановичу. Он постоянно оберегал, наставлял его, ругая, когда он переходил все рамки поведения. А когда умер после дуэли с Дантесом, последним спутником на земле был опять он. Провожал тело для похорон в Святогорском монастыре, где лежала его мать, умершая только в прошлом году. Он и сам купил сразу рядом с ней место для собственной могилы...

А пока, после окончания лицея, юный поэт нашел в доме двух братьев, Александра и Николая, приют и ласку. Третий, их младший брат – Сергей, находился в Англии.

Все три закончили Геттингенский университет и обладали обширными знаниями. Но Николай серьезно занимался преимущественно политической экономией, финансовыми и камеральными науками, был статс—секретарем при Государственном совете.

После развала «Арзамаса», который оказался неспособным к активной политической борьбе, Саша вступил в Союз Благоденствия, где познакомился с проповедниками свободы: именно в доме братьев пламенно обсуждали вопро-

сы преобразования России и освобождения от рабства крестьян.

Николай Тургенев был старше Саши на десять лет. Имел характер твердый, требовал от своего окружения бескомпромиссности, в разговорах был резким, категоричным и насмешливым. Унаследовав от отца—масона глубокие этические принципы и религиозность, он любил особенной любовью Россию и русский народ, и главной своей задачей считал борьбу с рабством («хамством» – как выражался).

В Союзе Благоденствия члены думали добиться освобождения крестьян с помощью правительства, так как в добрые намерения царя Александра I к этому времени уже никто не верил. Они возлагали надежды на давление со стороны передовой общественности, которому царь, хочет он этого или нет, потом вынужден будет уступить. Для этой цели они считали необходимым создать в России общественное мнение через литературу, которой отводили подчиненную роль.

При этом, чисто художественные проблемы мало волновали Николая Тургенева. «Поэзия, и вообще, изящная литература, не может наполнить души нашей», – часто говорил он.

То, что этот серьезный человек смотрит на поэзию несколько свысока, допуская исключение лишь для агитационно—полезной, политической, лирики, задевало Сашу Пушкина, и он сопротивлялся, как мог, этому мнению. Однако, все-таки, незаметно для себя, уступил – отказался

от любовной поэзии и обратился к вольнолюбивой Музе.

Он написал:

Потом принялся за эпиграммы на Аракчеева, на царя, на членов правительства...

Николай Тургенев, занимавший должность статс-секретаря и почитавший государственную машину, однажды его пристыдил:

– Ты берешь жалованье, не работая, и при этом ругаешь того, кто его дает. Лучше будь посдержаннее в эпиграммах против правительства!

Суровый моралист, сам относящийся к службе серьезно, занимая ответственные посты, он не понимал поведение юного поэта, особенно – его отношение к службе, где тот совсем не появлялся.

– У тебя лень и нерадение о собственном образовании, вкус к площадному волокитству. И вольнодумство – также площадное! – услышал Саша от Николая Ивановича обидные для себя слова.

– Ах! Вот как вы думаете обо мне! – И, не успев осознать, что говорит, крикнул в лицо строгому чиновнику: – Я требую сатисфакции! – И, красный от возмущения, выскочил на улицу...

Братья Тургеневы, которые в волнении ждали секундантов взрывного поэта, только рано утром получили письмо с извинениями и раскаянием в своей горячности. Дуэль не состоялась.

Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру
Хочу воспеть Свободу миру,
На тронах поразить порок.

Дуэль Пушкина с поэтом Рылеевым (1820г.)

Больше, чем страх очутиться на Соловках или в крепости, Александра мучил позор: случайно узнал о распространившихся слухах в городе, что его высекли в тайной канцелярии. Он ничего не понимал: не успеет, где—нибудь появиться, как за ним стелется шепоток. Настороженно вглядываясь в лица, он быстро оглядывал всех, но все молчали или отводили от него взор, или, при его приближении, прекращали беседу.

Глаза ему открыл Катенин, когда находились на «чердаке» у Шаховского. Отведя его в сторону, критик сказал: мол, ходят слухи, что будто бы он высечен в тайной канцелярии государя.

– Ч-ч-т-т-о? – чуть не задохнулся Саша от возмущения.

Ему, остолбеневшему от этой новости, Павел Александрович объяснил, что об этом из Москвы кому-то написал граф Толстой-Американец.

– Которого ты как—то уличил в передергивании карт... Но, друг мой, сплетню здесь повторил Кондратий Рылеев – на каком-то балу.

Александр смотрел на критика молча, не в состоянии вымолвить ни слова. Лихорадочные мысли не задерживались в голове, он не понимал, что теперь делать: «Я-а-а?!.. Я-а-

а сделался историческим лицом для сплетников Петербурга?!..» – Это не укладывалось ни в какие рамки. Залившись мучительным румянцем, не дослушав критика, он сорвался с места и помчался домой, не дожидаясь извозчика.

И долго потом бегал по узкому проходу своей комнатки в бессильной ярости, придумывая, как отомстить обидчикам.

Однако в городе того ни того, ни другого не оказалось.

В мае 1820 года он, под видом курьера, был выслан на юг. Но Александр решил сначала поставить точку на деле с по-этом Рылеевым. Заехав по дороге в ссылку на юг, он упр-осил Антона Дельвига и Ивана Якушкина быть секундантами и уже чуть свет они ехали в сторону Батова, где в имении тещи в это время находился Рылеев.

Александр был уверен, что поступает правильно, задумав дело чести. «Я ведь знаю дуэльный кодекс: общественное мнение обязывает меня вызвать обидчика на дуэль, пусть бы он даже захотел проглотить обиду. Но ни за что я этого не смог бы сделать – презрение всех было бы обеспечено. Но... и посвящать кого-либо в эту задумку было нельзя. Мне же грозила Сибирь... А сейчас... и Антон, и Иван, уверен, сохраняют тайну...»

Скоро приблизились к месту. Оставил Антона и Ивана на обочине дороги и отправился к Рылееву. «А ведь Кондратий даже не удивляется!.. – Коротко поговорив, они спустились к резвой речушке, под обрывом которой нашли подхо-

дящее место...

Теперь он ждал, сжав губы и пристально глядя, как Рылеев изготавливается на позиции. «Первым сделает свой выстрел Кондратий: вызвал—то его я... Значит, я не могу стрелять первым... Но, Боже!.. Мое терпение иссякло... Может, самому начать и – выстрелить в воздух? Тогда будет считаться, что дуэль как бы состоялась, и оскорбление можно считать смытым... – Но спохватился – вспомнил, что дуэльный кодекс предусматривает такую хитрость: тот, кто вызвал на дуэль, не имеет права стрелять в воздух. Вдохнул: – И это тоже правильно! Иначе поединок превратится в фарс».

Рылеев прекратил его размышления, сделав, наконец, свой выстрел. Но – вверх. Ну и он тогда – вверх! После этого они, как ни в чем ни, бывало, на берегу милой речушки целый час что—то обсуждали. Антон и Иван ждали.

«Ну, вот, и с этим тоже – покончено!» – Вдохнув полной грудью чистый речной воздух, Александр попрощался с друзьями поэтом и, коротко обнявшись с ним, направился к друзьям. Молча доехали до тракта, до того места, где предстояло расставаться. Вот и оно... Соскочив на землю, невесело сжали друг друга в объятиях по-очереди. С Дельвигом, как всегда, поцеловали друг другу руки. «Пиши». – «И вы пишите!» – и расстался и с ними. Слова застревали в горле. Осознал, что неизвестно, на сколько они расстанутся, чуть не заплакал.

Потом, спустя четыре года, уже в северной ссылке, Ми-

хайловском, он писал: «...Необдуманнные отзывы, сатирические стихи стали распространяться в публике. Разнесся слух, будто бы я был отвезен в Секретную Канцелярию и высечен. Я последним узнал об этом слухе, который стал уже общим. Я увидал себя опозоренным в общественном мнении. Я впал в отчаяние, я дрался на дуэли – мне было 20 лет тогда. Я соображал, не следует ли мне застрелиться или убить V. В первом случае я только подтвердил бы позорившую меня молву, во втором – я бы не отомстил за себя, потому что оскорбления не было, – я совершил бы [беспричинное] преступление, я принес бы в жертву мнению общества, которое я презирал, человека, всеми ценимого, и талант, который невольно внушал мне почтение к себе... Таковы были мои размышления». – Так писал он в воображаемом письме к Александру I, глядя с тоской в заснеженное окно своей «избы», как называл дом в Михайловском.

Еще в XIX веке талантливый историк литературы Петр Морозов прочитал соответствующее это место так: «ou d; assassiner Votre Majest;», т. е. «или убить Ваше Величество». V – значит, царь.

И в самом деле, у Александра были основания считать первопричиной и первоисточником пущенной сплетни именно императора. Доносчик Каразин сообщал министру внутренних дел Кочубею: «Говорят, что Пушкин по Высочайшему повелению секретно наказан».

Именно в такой примерно форме сплетня дошла

и до Пушкина. И на этом основании он заключил, что слухи о его секретном наказании исходили непосредственно из царского двора и что первоисточник их – сам император.

Эти слухи имели своей целью скомпрометировать, обесчестить, морально уничтожить слишком зарвавшегося юного стихотворца. Значит, для восстановления чести следовало физически уничтожить самого императора...

О том, что Пушкина «высекли» в тайной канцелярии, где-то обронил Толстой-Американец, которому Пушкин имел несчастье сделать замечание, что тот передергивает карты. А Кондратий Рылеев неосторожно повторил это в чьей-то светской гостиной.

О том, что поэты дрались на пистолетах, видно из полусерьезного пушкинского письма к Бестужеву от 24 марта 1825 года:

«Откуда ты взял, что я лыщу Рылееву? Мнение свое о его „Думах“ я сказал вслух и ясно; о поэмах его – также. Очень знаю, что я его учитель в стихотворном языке, но он идет своей дорогой. Он в душе поэт. Я опасаясь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда к тому имел случай – да черт его знал! – пошутил. – Жду с нетерпением „Войнаровского“ и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал – да более, более!».

Он шутил, но шутка была с подтекстом – знал, что Бестужев обязательно покажет письмо своему другу и соратнику и тогда Рылееву придется признаться в тайной дуэли с ним.

Отправляя письмо Александру Бестужеву, Пушкин надеялся, что в Петербурге, ровно через пять лет после дуэли, распространится так необходимая ему молва о том, что он отстоял свою честь – еще тогда, когда родилась сплетня о том, что его высекли.

Рылеев, прочитав его письмо, тогда же откликнулся на это такими строчками в стихотворении тому же «Бестужеву»:

В Кишиневе, где юный поэт находился в южной ссылке, у него жизнь бурлила: с теми же дуэлями, но – наравне с поэзией и шалостями.

Хоть Пушкин суд мне строгий произнёс
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил,
Но от того, Бестужев, ещё нос
Я недругам в угоду не повесил.

Дуэли в Кишиневе. Несостоявшаяся дуэль с Орловым и Алексеевым (1820г.)

(В передаче Липранди Ивана Петровича, подполковника, прибывшего 21 августа 1820 г. в Кишинев — после А. Пушкина. Ровно через месяц они познакомились и находились в близких, дружеских отношениях. Липранди отмечал в юном поэте «ученость отличную с отличным достоинством человека»)

В конце октября 1820 года брат генерала М. Ф. Орлова, лейб—гвардии уланского полка полковник Федор Федорович, потерявший ногу под Баутценом (или Герлицем), приехал на несколько дней в Кишинев. Удальство его было известно.

Однажды после обеда он подошел ко мне и к полковнику А. П. Алексееву с предложением, что будет гораздо приятнее куда—нибудь отправиться, нежели слушать разговор «брatца с Охотниковым о политической экономии!».

Мы охотно приняли его предложение, и он заметил, что надо бы подобрать еще кого—нибудь; ушел в гостиную к Михаилу Федоровичу и вышел оттуда под руку с Пушкиным.

Мы отправились без определенной цели, куда идти: пред-

ложение Алексеева идти к нему было единогласно отвергнуто, и решили идти в бильярдную Гольды.

Здесь не было ни души. Спрошен был портер. Орлов и Алексеев продолжали играть на бильярде на интерес и в придачу на третью партию вазу жженки. Ваза скоро была подана. Оба гусара порешили пить круговой; я воспротивился более для Пушкина, ибо я был привычен и находил даже это лучше, нежели не очередно.

Алексеев предложил на голоса; я успел сказать Пушкину, чтобы он не соглашался, но он пристал к первым двум, и потому приступили к круговой. Первая ваза кое-как сошла с рук, но вторая сильно подействовала, в особенности на Пушкина; я оказался крепче других. Пушкин развеселился, начал подходить к бортам бильярда и мешать игре. Орлов назвал его школьником, а Алексеев присовокупил, что школьников проучивают...

Пушкин рванулся от меня и, перепутав шары, не остался в долгу и на слова; кончилось тем, что он вызвал обоих, а меня пригласил в секунданты.

В десять часов утра должны были собраться у меня. Я пригласил Пушкина ночевать к себе. Дорогой он уже опомнился и начал бранить себя за свою арабскую кровь, и когда я ему представил, что главное в этом деле то, что причина не совсем хорошая и что надо как-нибудь замять:

– Ни за что! – произнес он, остановившись. – Я докажу им, что я не школьник!

– Оно все так, – отвечал я ему, – но все-таки будут знать, что всему виной жженка, а притом я нахожу, что и бой не ровный

– Как не ровный? – опять остановившись, спросил он меня.

Чтобы скорей разрешить его недоумение и затронуть его самолюбие, я присовокупил:

– Не ровный потому, что, может быть, из тысячи полковников двумя меньше, да еще и каких ничего не значит, а вы двадцати двух лет уже известны...

Он молчал. Подходя уже к дому, он произнес:

– Скверно, гадко; да как же кончить?

– Очень легко, – сказал я, – вы первый начали смешивать их игру; они вам что-то сказали, а вы им вдвое, и наконец, не они, а вы их вызвали. Следовательно, если они придут не с тем, чтобы становиться к барьеру, а с предложением помириться, то ведь честь ваша не пострадает.

Он долго молчал и, наконец» сказал по-французски:

– Это басни: они никогда не согласятся; Алексеев – может быть, – он семейный, Но Теодор – никогда: он обрек себя на натуральную смерть, то все-таки лучше умереть от пули Пушкина или убить его, нежели играть жизнью с кем-нибудь другим...

Я не отчаивался в успехе. Закусив, я уложил Пушкина, а сам, не спавши, дождался утра и в восьмом часу поехал к Орлову. Мне сказали, что он только что выехал. Это меня

несколько озадачило. Я опасался, чтобы он не попал ко мне без меня: я поспешил к Алексееву. Проезжая мимо своей квартиры, увидел я, что у дверей нет экипажа; который, с радостью, увидел у подъезда Алексеева, а еще более, и так же неожиданно, обрадовался, когда едва я показался в двери, как они оба в один голос объявили, что сейчас собирались ко мне посоветоваться, как бы окончить глупую вчерашнюю историю. – Очень легко, – отвечал я им, – приезжайте в 10 часов, как условились, ко мне; Пушкин будет, и вы прямо скажете, чтобы он, так как и вы, позабыл вчерашнюю жжёнку

Они охотно согласились. Но Орлов не доверял, что Пушкин согласится. Возвратясь к себе, я нашел Пушкина вставшим и с свежей головой, обдумавшим вчерашнее столкновение.

На сообщенный ему результат моего свидания он взял меня за руку и попросил:

– Скажите мне откровенно: не пострадает ли моя честь, если соглашусь оставить дело?

Я повторил ему сказанное накануне, что не они, а он их вызвал, и они просят мира:

– Так чего же больше хотеть?

Он согласился, но мне все казалось, что он не доверял, в особенности Орлову, чтобы этот отложил такой прекрасный случай подраться; но, когда я ему передал, что Федор Федорович не хотел бы делом этим сделать неприятное брату, Пушкин, казалось, успокоился.

Видимо, он страдал только потому, что столкновение случилось за бильярдом, при жж2нке:

– А не то славно бы подрался; ей-богу, славно!

Через полчаса приехали Орлов и Алексеев. Все было сделано, как сказано; все трое были очень довольны; но мне кажется, все не в той степени, как был рад я, что не дошло до кровавой развязки: я всегда ненавидел роль секунданта и предпочитал действовать сам.

За обедом в этот день у Алексеева Пушкин был очень весел и, возвращаясь, благодарил меня:

– Иван Петрович! Прошу вас, если, когда представится такой же случай, не отказывайте мне в ваших советах.

Мы с чувством пожали друг другу руки».

Несостоявшаяся дуэль с Другановым (1820г)

Друганов Иван Матвеевич был адъютантом генерала Орлова Михаила Федоровича, командира 16-ой пехотной дивизии.

Александр Пушкин с генералом был знаком ещё по «Арзамасу» и запросто встречался в Кишиневе в доме, где жили его друзья В. Ф. Раевский и К. А. Охотников, или у самого Михаила Федоровича.

Воскресенье 7 ноября 1820 года, с утра, он проводил у Орлова, где хозяйничал в отсутствие Михаила Федоровича приехавший его брат, Федор Федорович. Здесь же в гостях были и Давыдовы – братья по матери прославленного героя Отечественной войны Раевского Николая Николаевича.

Пушкин с Александром и Василием познакомился во время путешествия на Кавказе с Раевскими, и чувствовал себя здесь очень свободно. В гостиной все разговоры вертелись о его новой песне «Черная шаль», которая всем нравилась.

Горчаков Владимир Петрович, который только что прибыл в Кишинев, в качестве квартирмейстера при штабе 16-й пехотной дивизии, не был знаком с поэтом, поэтому сидел молча. Он ещё не слышал «Черную шаль», которую все обсуждали с жаром. Заметив, что Горчаков не участвует в разговоре, Федор Орлов попросил Пушкина прочесть ему

свои стихи. К просьбе горячо присоединился и сам Владимир Петрович.

Обычно непоседливый Александр, не ломаясь, тотчас же начал её читать, но, повторив, вразрыв, некоторые строфы, вдруг схватил рапиру со стены и начал играть ею, подпрыгивая, становясь в исходную позу, как бы вызывая противника; в общем, вертелся с рапирой во все стороны.

Как раз в эту минуту и вошел Друганов, адъютант Орлова, с которым у Пушкина сразу сложились натянутые отношения. Еле дождавшись, пока тот поздоровался со всеми, он быстро произнес:

– А давайте мы с вами начнем сейчас биться, Друганов!

– Нет! Дайте мне спокойно посидеть.

– Нет, давайте биться, давайте, – и как резвый ребенок, стал, шутя, затрагивать его рапирой.

Друганов рукой отвел в сторону рапиру один раз, второй ... Поэт не унимался. Адъютант Орлова начал сердиться и грозно сдвинул брови.

Посмотрев на назревающий скандал, Горчаков быстро попросил Пушкина начать сначала молдавскую песню (так здесь называли «Черную шаль» и тот на удивление сразу согласился, бросил рапиру и принялся декламировать с чувством. Было видно, как каждая строфа занимала его, и, казалось, он доволен своим новорожденным творением. О том, что он хотел сразиться, забыто.

Несостоявшаяся дуэль с бароном С... (1821г.)

Александр Пушкин в Кишиневе в 1821 году вызвал на дуэль одного французского эмигранта – некоего барона де С..., о чем мы узнаем из его собственного письма к французскому офицеру Дегильи. Поэт ему пишет о бароне С..., «который, имея право избирать оружие, предложил ружье, ввиду устрашающего превосходства, с которым противник владел пистолетом».

Благодаря веселью, которое этот новейшего рода поединок вызвал у секундантов и противников, примирение между бароном и поэтом было достигнуто.

Западноевропейскими кодексами устанавливалась зависимость применения того или иного оружия от тяжести нанесенной обиды, и даже рекомендовалось, «при легких оскорблениях», затуплять шпаги и сабли или снабжать их специальными ограничителями, которые исключали бы возможность нанесения серьезного увечья.

Дуэли с холодным оружием в России были редки, а если и случались, то их участники, как правило, не следовали западноевропейской традиции прекращать дуэль при малейшей царапине. Российские обычаи. Наоборот, подразумевали, а чаще специально и оговаривалось, что поединок должен закончиться смертью или, по крайней мере, таким ране-

нием одного из противников, которое сделает невозможным дальнейшее продолжение поединка.

Понесенная обида, коль скоро она принималась за оскорбление, никогда не считалась в России малой, а смерть оскорбителя не представлялась чрезмерным мщением. Потому в ход всегда шли боевые клинки (у военных – табельное оружие), и не только шпаги, и сабли, но и шашки, эспадроны, палаши и даже клычи – оружие, бывшее на вооружении у казачьих полков. Клыч сочетал в себе самые смертельные качества меча, сабли и шашки.

Благодаря веселью, которое этот новейшего рода поединок (один – с ружьем, другой— с саблей) вызвал у секундантов и противников, барон С... и Александр Пушкин помирились и дуэль не состоялась.

Несостоявшаяся дуэль с Дегильи (1821г.)

Бывший французский офицер Дегильи, проживавший в Кишиневе, был в подчинении у своей жены, и поэт имел неосторожность над этим посмеяться. Тот в ответных словах допустил его оскорбление, и за это был вызван на дуэль Александром Пушкиным. Но в этой дуэли Дегильи, зная, что Александр Пушкин был превосходным стрелком, решил, очевидно, выбрать, как и барон де С..., другое оружие: тот – ружье, этот же – саблю. Но господин де Дегильи струсил и предал все огласке, чем и сорвал дуэль – вмешался Инзов. Пушкин же обвинил Дегильи в трусости и посчитал ее за отказ драться.

В связи с этим неслыханным делом, поэт 6 июня 1821 года написал французу резкое письмо, а затем и нарисовал карикатуру.

Дегильи он презрительно писал: «К сведению г. Дегильи, бывшего офицера Французской службы. Недостаточно быть трусом: надо еще быть им откровенно. Накануне дуэли на саблях, с которой улепетывают, не пишут на глазах своей жены плаксивых жалоб и завещания; не сочиняют нелепых сказок перед городскими властями в целях воспрепятствовать царапине; не ставят в неловкое положение ни своего секунданта, ни генерала, который удостоивает чести при-

нимать в своем доме невежу. Я предвидел все то, что произошло, и досажую, что не держал пари. Теперь все кончено, но берегитесь. Примите уверение в тех чувствах, которые вы заслуживаете. Пушкин. 6 июня 1821 г.

Заметьте еще, что теперь я сумею, в случае надобности, пустить в ход свои права русского дворянина, так как вы ничего не понимаете в праве оружия».

Как видим, в этом письме Александр Пушкин пишет о дуэли на саблях. Об этой дуэли рассказано в предыдущем очерке.

Пушкин, когда писал Дегильи, что «пустит в ход свои права русского дворянина» имел в виду неписанный закон для русского дворянина, который:

- не имеет права вмешивать государство – городские власти – в дуэльные дела, то есть, прибегать к защите закона, запрещающего поединки;
- не имеет права опускаться на недворянский уровень поведения. Опускаясь на подобный уровень, он лишает себя права на уважительное, хотя и враждебное поведение противника, и должен быть подвергнут унижительному обращению – побоям, публичному поношению. Он ставится вне законов чести... И не потому, что он вызывает презрение и омерзение сам по себе, а потому, главным образом, что он оскверняет само понятие человека чести – истинного дворянина.

Отказ дворянина от дуэли представлялось пределом па-

дения, несмываемым позором. Однако письмо свое Пушкин не отправил.

Несостоявшаяся дуэль со Скиной (1821г.)

Тема о дуэлях, поэтому здесь все о них. Может создаться впечатление, что поэт в Кишиневе только и делал, что дрался на дуэлях. Но это совсем не так. Он вбирал в себя жизнь во всех её проявлениях, страстно предавался всевозможным наслаждениям, но и учился у всех.

После того, как в Кишинев хлынула толпа эмигрантов из Греции, эта новая общественная сфера пробудила в нем новые интересы, притушив разгул его живого характера.

Он встретил в некоторых фанариотах, например, в Ризо, людей с глубокими и серьезными познаниями. Пушкин слушал его с живейшим интересом.

Из-за книг у поэта с греками бывали и неприятности. Однажды, когда в разговоре со Скиной было упомянуто о каком—то сочинении, Пушкин попросил достать её.

Тот с удивлением спросил его:

— Как! Вы поэт и не знаете об этой книге!?

Пушкину показалось это обидным, и он хотел вызвать Скину на дуэль. Но дело как—то замялось.

Но, когда эту книгу доставили, решил отослать с запиской, что её уже читал. Самолюбие Пушкина было задето, что он не знает, чего—то, что знают другие, и он принялся прилежно читать все, что только можно достать.

С Липранди условились: если ему понадобятся книги, которых не окажется у него, Иван будет их доставать ему на свое имя...

На дуэль со Скиной Пушкин не пошел не потому, что он боялся быть убитым. Люди, которые наблюдали, как поэт дважды – со Старовым и Зубовым, – «полевал» в малине, замечали, что он пуль не боялся точно также, как и жала критики. В то время, как в него целили, он, улыбаясь сатирически, смотрел на дуло, и будто замышлял злую эпиграмму на стрельца и на его промах.

Для Пушкина было важно соблюсти те правила чести, которые были приняты в обществе. И принимал вызовы или сам вызывал других он в соответствии с этими правилами. Но, если было возможно примирение, он охотно шел и на это, как и случилось с греческим эмигрантом Скиной.

Несостоявшаяся дуэль с Лановым (1822г.)

Ланов принадлежал к числу тех четырех оригиналов, встреченных Пушкиным по приезде в Кишинев. Ивану Николаевичу было за шестьдесят пять, среднего роста, но плотный, с большим животом, лысый, с широким красным лицом, на котором навсегда застыло самодовольство.

Оно было постоянно красным от чрезмерного употребления вина и вообще он представлял собой довольно смешной экземпляр. То, что Ланов был старшим членом попечительского совета о колонистах и статским советником, добавляло спеси в его обращении с поэтом, и они находились в беспрерывной вражде.

А если точнее: первый враждовал, а второй отделивался острыми эпиграммами и шутками без всякой желчи и был счастлив, когда все смеялись над ними.

Ланов в молодости был адъютантом князя Потемкина. Был образован, но придерживался старых правил о разделении лет и чинов. И так как он постоянно обедал у Инзова, Пушкину приходилось часто встречаться с ним за одним столом. Поэт жил у наместника с тех пор, как возвратился из поездки по Кавказу.

Ланов хмурился недовольно, видя каждый раз свободное обращение «поэтишки этого» с генералом: все время шутил

с ним, а тот всегда с улыбкой ему отвечал.

Сам Ланов в общем разговоре часто не удостоивал внимания, о чем говорил Пушкин, делая вид, что вообще не замечает его.

Однажды за обедом Ланов принялся рассказывать, как вино лечит все болезни. Пушкин начал заливаться хохотом. Ланов оскорбился и назвал Пушкина молокососом. Тот не остался в долгу и припечатал его словом – «виносос».

А так как все это происходило уже в конце обеда, Инзов встал, и, улыбаясь, отправился в свою комнату. А Ланов, пунцовый от гнева, вызвал Пушкина на поединок, а он все хохотал и ничего не отвечал.

Видя, что Ланов настаивает, мимоходом рассказывая о своих поединках при князе Таврическом, Пушкин, смеясь еще больше, сказал:

– То было тогда... А теперь:

Эти слова вызвали еле сдерживаемый смех присутствующих. А Ланов продолжал кипеть и требовать дуэли. И тогда только успокоился, когда «поэтишка» принял его вызов.

Инзов, услышав смех в столовой, возвратился и спросил, что происходит. И, когда ему объяснили о поединке, потребовал примирения.

Ланов, из чинопочитания наместнику Бессарабии, согласился оставить все без последствий. Пушкин же был рад не сделаться смешным, выходя на поединок со стариком.

Обедать за одним столом теперь Ланов, и Пушкин не мог-

ли, и Инзов устроил так, что с тех пор они не встречались вместе. Это отвечало и желаниям Пушкина – летел туда, где для него было больше простора, и где он не вынужден глотать то, что уже готово сорваться с языка.

В те дни, когда у Ивана Никитича должен был обедать Ланов, Александр отделялся выдуманном приглашением к Орлову или Бологовскому и обязательно обедал у названного. И замечал, как Инзов улыбается его уловкам.

Бранись, ворчи, болван болванов,
Ты не дожدهшься, друг мой Ланов,
Пощечин от руки моей.
Твоя торжественная рожа
На бабье гузно так похожа,
Что только просит киселей.

Несостоявшаяся дуэль с Инглези (1822г.)

Не стесненный систематическим исполнением служебных обязанностей, Пушкин в Кишиневе вел жизнь подвижную, пеструю и разнообразную. В то же время он много и плодотворно работал, о чем сам писал в стихотворении «Чаадаеву»:

И труды принесли необычайные успехи. Здесь он работал над «Кавказским пленником», «Бахчисарайским фонтаном», «Братьями—разбойниками».

В Кишиневе он также написал «Песнь о вещем Олеге», «Черную шаль», «Кинжал» и другие стихотворения. Здесь же он начал роман в стихах «Евгений Онегин» и задумал «Цыганы».

Кроме того, учился молдавскому языку у эконома инзовской усадьбы, пытливно изучал жизнь местного населения, охотно посещал балы молдавских «бояр» и русских чиновников, с увлечением танцевал на них, ночи напролет играл в карты и увлекался тамошними красавицами, среди которых блистала красотой Людмила.

Когда—то, влюбившись в Шекору, простую цыганку из табора, раскинувшего шатры в пригороде Кишинева – Буюкань, богатч Бодиско, потрясенный необыкновенной красотой девушки, женился на ней. Но вскоре умер.

После смерти мужа Людмила Бодиско, как стали потом называть Шекору, вновь вышла замуж за тоже богатого кишиневского помещика – Инглези.

Согласно кишиневским преданиям, Пушкин был в связи с Людмилой—Шекорой, что не могло остаться в тайне от мужа. Разозленный, он запер жену в чулан, а сам вызвал поэта на дуэль и тот принял вызов.

Дуэль была назначена на следующий день утром, но о ней кто—то донес генералу Инзову и тот посадил Пушкина на десять дней на гауптвахту. На этом генерал не остановился: он предложил Инглези немедленно уехать за границу с женой.

Иван Никитич вручил ему билет и помещик вынужден был выехать вместе с женой из Кишинева и поэтому дуэль расстроилась.

Иногда Инзову удавалось вовремя узнать о готовившемся поединке, как с этим ревнивым богачом, и тогда он принимал решительные меры: сажал Пушкина под домашний арест, приставив к дверям его комнаты часового. А сам в то же время улаживал конфликт беспокойного юнца.

Такое наказание – сидение под замком – он применял и в тех случаях, когда от горожан поступали жалобы на уж очень шумевшие «шалости» его питомца. Так было, когда Пушкин ехал по одной из главных улиц Кишинева и, увидев в окне дома хорошенькую девушку, прищпорив коня, въехал прямо на крыльцо и до обморока напугал приглянувшуюся

ему особу.

Но и в этих случаях добряк Инзов посылал арестованному для развлечения новые журналы и сам приходил к нему побеседовать на различные интересовавшие их обоих темы, вплоть до революционных событий в Испании 1820—1822 годов...

Одиноким бобылем Инзов любил Пушкина как сына и защищал его, как мог.

В уединении мой своенравный гений
Познал и тихий труд, и жажду размышлений.
Владею днем моим; с порядком дружен ум;
Учусь удерживать вниманье долгих дум;
Ищу вознаградить в объятиях свободы
Мятежной младостью утраченные годы
И в просвещении стать с веком наравне.

Дуэль с Зубовым (1822г.)

В Кишиневе Пушкин имел две настоящие дуэли. Одну в июне – из-за карт с офицером Александром Зубовым, которого поэт уличил в передергивании карт, чего он сам никогда не допускал – из принципа. Оскорбленный до глубины души, он вызвал Зубова на дуэль. (Другая настоящая дуэль была со Старовым).

На дуэль с Зубовым Пушкин явился с черешнями, и пока офицер целился в него, преспокойно ел ягоды. Зубов стрелял первым, но не попал.

Наступила очередь Пушкина, но, вместо выстрела, он только спросил:

– Довольны ли вы?

И тут тот бросился к нему в объятья. Оттолкнув его, поэт со словами: «Это лишнее!», спокойно удалился.

За эту дуэль, и за другие шалости, Инзов отправил своего подчиненного Пушкина из Кишинева в Аккерман. И там у впечатлительного поэта появилась возможность ездить к берегам Дуная. (Этот эпизод Пушкиным был использован в «Выстреле»).

Дуэль со Старовым (1822г.)

В Кишиневе, где Александр Пушкин отбывал ссылку, стоял пехотный полк. Поэт поэтому проводил много времени с офицерами то в клубе, то в собрании, так называемом Казино, которое заменяло в Кишиневе обычное собрание, куда все общество съезжалось для публичных балов. В основном, оно состояло из молдаван и молдаванок, а офицеров полка.

В Казино еще не было принято никаких определенных правил. И, как обыкновенно бывает там, где нет положительного права, действовало правило: «Кто раньше встал, палку взял, тот и капрал». Так случилось в этот раз и с Пушкиным. Условившись с Полторацким и другими приятелями начать мазурку, он пригласил молдаванку и встал в кругу.

Вдруг никому не знакомый молодой офицер егерского полка, впервые здесь появившийся, подчиненный полковника Старова, не обращая внимания на постоянных посетителей Казино, скомандовал музыкантам играть кадрили. А тут считали, что она уже уступила право первенства мазурке и возрождающейся французской кадрили – контрдансу.

Но Пушкин крикнул:

– Мазурку!

– Играй кадрили! – стоял на своем молодой офицер.

Пушкин, смеясь, снова повторил:

– Мазурку! – и музыканты несмотря на то, что сами были

военные, а Пушкин – нет, он был так называемый фрачник, приняли его команду – знали его лично, как частого посетителя.

Мазурка началась, но в ней офицер, надувшись, как сыч, не принял участия. Полковник Старов, который был не менее пылок и взыскателен во всем, что касалось хотя бы мнимого уклонения от уважения к личности, заметив неудачу своего офицера, вспыхнул от негодования за подчиненного. Подозвав к себе офицера, он заметил:

– Вы должны требовать от Пушкина объяснений в его поступке. Пушкин должен хотя бы извиниться перед вами. Вот кончится мазурка, и вы непременно переговорите с ним.

Неопытного и застенчивого офицера смутили слова пылкого полковника, и он, краснея и заикаясь, робко отвечал:

– Да как же—с, полковник, я пойду говорить с ним, я их совсем не знаю!

– Не знаете, – сухо заметил Старов, – ну, так и не ходите! Я за вас пойду!

С этими словами он подошел к Пушкину, только что окончившему свою фигуру.

– Вы сделали невежливость моему офицеру, – сказал Старов, взглянув с гневом на него. – Так не угодно ли вам извиниться перед ним, или вы будете иметь дело лично со мной.

– В чем извиняться, полковник, – быстро ответил удивленный поэт, – я не знаю. Что же касается до вас, то я к вашим услугам!

– Так до завтра, Александр Сергеевич.

– Очень хорошо, полковник. – С этими словами они пожали друг другу руки.

Мазурка продолжалась, одна фигура сменяла другую и никто не знал о предстоящей опасности, ожидавшей этих двух. Разъехались поздно. Пушкин и полковник уехали одними из последних, назначив дуэль на утро – в девять часов.

Договорились стрелять в двух верстах от Кишинева. Пушкин взял к себе в секунданты приятеля своего – Алексеева. В семь часов утра они заехали к Липранди и рассказали о случившемся.

Тот не смог скрыть досаду:

– Что это Старов повел себя как прапорщик! Как это пришло ему в голову сделать такое дурачество в его лета и в его положении?.. Хмм... Но дела отклонить уже нельзя. Должен сказать тебе, Пушкин, ты будешь иметь дело с храбрым и хладнокровным человеком, не похожим на того, каким он, по вашим рассказам, был вчера. Он серьезный, благородный человек и строгих правил. За свою честь он сумеет постоять и не будет играть честью другого... И что это с ним произошло, не понимаю...

Александр Пушкин с большим вниманием слушал Липранди. Было заметно, что его отзыв о Старове льстит ему – вот с каким противником он будет иметь дело!

– Но может статься, что на этот день дуэль не будет окончена – вдруг добавил Липранди.

– Это отчего же? – быстро спросил Пушкин.

– Да оттого, – отвечал Липранди, – что метель будет! – и показал на окно. Там почти черное небо давило на землю.

Так и случилось. На месте дуэли метель с сильным ветром мешала прицелу.

Первый барьер был в шестнадцать шагов. Пушкин стрелял первым и промахнулся. Следом Старов – тоже.

Секунданты посоветовали отложить дуэль до следующего дня – мороз с ветром затруднял движение пальцев при заряджении. Но противники с равным хладнокровием потребовали повторения.

Старов произнес невнятно – губы застыли от холода:

– Надо поспешить зарядить и сдвинуть барьер.

Пушкин согласился сразу:

– И гораздо лучше, а то холодно.

Пистолеты зарядили снова, но с большим трудом. Сделали еще по выстрелу – уже на 12 шагов. И снова оба промахнулись...

Тогда секунданты решительно настояли на том, чтобы дуэль, если не хотят так кончить, была отложена непременно, уверяя, что больше нет зарядов. И так как противники категорически не хотели идти на примирение, поединок отложили до прекращения метели.

– Итак, до другого разу, – произнесли оба в один голос.

– До свидания, Александр Сергеевич!

– До свидания, полковник!..

Липранди после прямоком отправился к Старову и потребовал объяснить – как он допустил такое – драться с Пушкиным.

Старов с удивлением в голосе ответил:

– Я и сам не знаю, как все это сошлось. Я не имел об этом никакого намерения, когда подходил к Пушкину... – усмехнулся. – Да он, братец, такой задорный! – Липранди услышал в голосе старого служаки уважение.

В это же самое время Пушкин заехал к Алексею Павловичу Полторацкому и, не застав его дома, оставил ему записку:

...Полторацкий и Алексеев, которым пришла мысль помирить противников, решили не уговаривать ни того, ни другого явиться для примирения первым – уступчивость этого рода, по свойственному соперникам самолюбию, могла бы помешать делу. Но, чтобы исключить всякие неожиданности в таком деле, они выбрали для переговоров общественный дом ресторатора Николетти, куда они нередко собирались обедать и где Пушкин любил играть на бильярде.

И вот – без всяких уговоров с их стороны недавние враги сами примирились на удивление быстро.

– Я вас всегда уважал, полковник, и потому принял предложение, – сказал Пушкин.

– И хорошо сделали, Александр Сергеевич, – ответил Старов, – этим вы еще больше увеличили мое уважение к вам, и я должен сказать по правде, что вы так же хорошо стояли под пулями, как хорошо пишете. – Эти слова искреннего

привета тронули Пушкина, и он ринулся обнимать Старова.

Так закончилось это дело между истинно благородными и умеющими уважать друг друга людьми.

Но публика, всегда готовая к превратным толкам, распустила иные слухи: одни утверждали, что Старов просил извинения; другие – что это сделал Пушкин. Были и такие храбрецы на словах, втихомолку твердившие, что так дуэли не должны кончаться...

Дня через два после примирения Пушкин как-то зашел к Николетти и, по обыкновению, с кем-то принялся играть на бильярде. В той комнате находилось несколько человек молдавской молодежи, которые, собравшись в кружок, о чем —то толковали вполголоса, косясь на него и так, чтобы их слова не могли не доходить до Пушкина. Речь шла о его дуэли со Старовым. Они превозносили Пушкина и порицали Старова. Пушкин вспыхнул, бросил кий и быстро подошел к молодежи.

– Господа, – сказал он, – как мы кончили со Старовым – это наше дело, но я вам объявляю, что, если вы позволите себе осуждать Старова, которого я не могу не уважать, то я приму это за личную обиду, и каждый из вас будет отвечать мне, как следует!

Знаменательность слов Пушкина и твердость, с которой были произнесены эти слова, смутили молодежь, и они извинились.

Я жив,
Старов
Здоров,
Дуэль не кончен.

Несостоявшаяся дуэль с Балшем (1822г.)

Александр Пушкин своими поступками умел бесить молдаван, один из которых был Тодор Балш, с которым он водил знакомство в Кишиневе. Он был из князей, член Государственного совета, по-молдавски – «ворник».

Его красивой жене было лет под тридцать и звали её Мария. Она хорошо владела французским языком, что давало ей возможность вести себя с другими с некоторой претенциозностью. Она была живой и острой на язык, и, как все женщины, словоохотлива. На этой почве они и сблизились с Пушкиным, который и сам не прочь был поболтать.

Некоторое время он увлекался только ею одной. В своих беседах они доходили до свободных и откровенных речей, и это ей нравилось.

Вначале она очень интересовала поэта и некоторое время было все хорошо. Но вот в обществе появилась другая женщина, «Альбрехтша», как прозвали её в Кишиневе И, хоть она была старше Марии года на два—три, была еще красивее той. Мало того, обладала европейскими манерами, была начитанна, многоопытна...

Манерами она победила Балш – Мария очутилась на втором плане. С Пушкиным Альбрехтша сразу же нашла общий язык – умела поддержать салонный разговор. Но в Кишиневе

ве о ней распевали за глаза такие нравящиеся Пушкину куплеты:

В феврале 1822 года, находясь в доме вице-губернатора, Крупянского, Мария приревновала поэта к Альбрехтше, и, когда она недовольно намекнула на его новое увлечение, с колкостями, Александр Сергеевич подлил масла в огонь:

— Она — женщина историческая и в пылкой страсти... ммм...

Ставшая неприятной от злости, Балш оттолкнула поэта от себя. И сам он стал с ней холоден. Чтобы уязвить обозленную женщину еще больше, Пушкин стал любезничать даже с её двенадцатилетней дочерью Аникой, которая от матери не отставала — была такой же острой на язычок.

Оскорбленное самолюбие матери, — Мария приняла показное ухаживание Пушкина за желание уколоть её взрослой почти дочерью, — привело к тому, что стала совсем неуправляемой в словах: придиралась к нему, что бы он ни сказал.

В кишинёвском обществе как раз в это время все только и говорили о какой—то ссоре двух молдаван, которые, «ну, никак не хотят драться». То есть, не стрелялись на дуэли.

Липранди, который присутствовал здесь же, проронил:
— Это же молдаване! Чего ты хочешь от них! У них в обычае нанять несколько человек да их руками отдубасить противника.

Пушкин расхохотался громко, говоря:

— Меня очень забавляет такой легкий способ отмщения. —

Посмотрел на Марию с усмешкой и произнес, – экая тоска! Хоть бы кто нанял подраться за себя!

Молдаванка вспыхнула и почти крикнула:

– Да вы деритесь лучше за себя!

– Да с кем же?

– Вот хоть со Старовым; вы с ним, кажется, не очень хорошо кончили.

Пушкин, красный, как мак, бросил сквозь зубы:

– Если бы на вашем месте был муж, то я сумел бы поговорить с ним. Потому ничего более не остается, как узнать, так ли и он думает! – И прямо от нее отправился к карточному столу, за которым сидел ее муж, Тодор Балш. – Пойдемте, – обратился к нему, еле сдерживаясь, – я вам должен кое—что сказать... – И объяснил, что у него произошло с его женой, закончив такими словами: – А так как я с женщинами не дерусь, то удовлетворения требую от вас.

Тодор Балш вскипел и пошел расспросить жену, но та его уверила, что, наоборот, это Пушкин наговорил ей дерзостей.

Молдаванин вернулся к поэту и, сверкая черными глазами, потребовал:

– Как же вы требуете у меня удовлетворения, когда сами позволяете себе оскорблять мою жену?

Слова эти были произнесены толстым молдаванином с таким высокомерием, что Пушкин этого не стерпел – тут же схватив подсвечник и замахнулся им на Балша. Но его приятель Алексеев, с которым он квартировал, успел перехватить

тить его руку.

Балш в это время, совсем рассвирепев, стал кричать, что он трус, ссылочный мерзавец...

Поэт не оставался в долгу и тоже кричал оскорбления и пытался достать его, изворачиваясь из рук Алексеева...

Мать Марии Балш, которая присутствовала здесь же, упала в обморок. С беременной вице-губернаторшей, в доме которой все это происходило, тоже приключилась истерика. Испуганные гости разбрелись по углам и отовсюду глядели на происходящее молча. Люди вице—губернатора кинулись помогать лекарю, который тотчас явился со спиртами и каплями для матери Марии и губернаторши. Все стали ждать еще большей, ужаснейшей, развязки.

Противников, глядящих с ненавистью друг на друга, кое—как развели – генерал Пущин, который командовал дивизией во время отсутствия Орлова, схватив Пушкина, увез с собой.

Однако о случившемся немедленно донесли наместнику Бессарабии, генералу Инзову, и он срочно пригласил к себе вице—губернатора и Пущина – для дачи объяснений. Затем, выслушав их, велел помирить поссорившихся и ни в коем случае не допустить дуэли.

На другой день, по настоянию Крупянского и Пущина, Балш согласился извиниться перед Пушкиным, которого нарочно до этого заманили в дом к губернатору.

Но спесивый молдаванин, вместо извинения, начал:

– Меня упростили извиниться перед вами. Какого извинения вам нужно?

Не говоря ни слова, Пушкин подскочил к нему и дал пощечину, вслед за этим вытаскивая пистолет.

И Балш, вынужденный назначить ему время для поединка, ушел. Пушкин тут же помчался на квартиру к Пушину, бледный как полотно, но улыбающийся...

Инзов, однако, не дал состояться и этой очередной дуэли – посадил беспокойного подчиненного под домашний арест – на две недели.

Продолжения дуэли не было, но еще долго после этого Пушкин говорил, что не решается ходить без оружия и, доставая пистолет, с хохотом показывал его на улице встречным знакомым.

Альбрехтша! Ты всем давала...
Женской скромности пример.
У тебя для генерала
Не был и презрен офицер!

Еще три несостоявшиеся дуэли в Кишиневе (1822г.)

В Кишиневе занимались топографической съемкой офицеры генерального штаба Валерий Тимофеевич Кек, Полторацкие Михаил Александрович и Алексей Павлович, а также Горчаков Владимир Александрович, с которыми поэт проводил много времени.

Один раз Михаил Полторацкий и Валерий Кек поссорились. И ссора вылилась в дуэль. Они должны были выехать в поле (место дуэли должно было состояться в так называемой малине, то есть, виноградники и сады за Кишинёвом).

Секундантом Кек взял Скартла Прункуло, молдавского помещика, а Полторацкий – Пушкина. Но в ходе обсуждения условий Пушкин, который неукоснительно соблюдал все дуэльные правила, не согласился с Прункуло в чем—то. Тот допустил обидное для него выражение. Пушкин объявил, что вызывает его на поединок. «Только после того, как решу с двумя с другими, с которыми дерусь», – добавил он. Но до дуэли все же не дошло – они помирились.

К концу марта 1822 года за обедом в доме Инзова Пушкин заспорил с Северином Потоцким по поводу крепостного права. Поэт горячился, не соглашался с мнением Потоцкого, и оба допустили оскорбительные выражения. Но все же Потоцкий признал его правоту. А Пушкин сказал: «Если бы

он не уступил, схлопотал бы пощечину и тогда, точно, дуэли ему не миновать!».

В июне 1822 года отставной штабс-капитан Рутковский за обедом у Инзова рассказал о граде весом в три фунта. Пушкин расхохотался ему в лицо, говоря, что такого не бывает. Отставной штабс—капитан вызвал Пушкина на дуэль. Но Иван Никитич Инзов предотвратил поединок, в очередной раз посадив поэта под домашний арест.¹

¹ 3 фунта – это ок. 1368 граммов.

Несостоявшаяся дуэль с Руссо (1823 г.)

В Кишиневе Александр Пушкин обедал обычно у генерала Бологовского. Дмитрий Николаевич собирал у себя общество самое разнообразное и сюда его влекло – темы разговоров вызывали у него большой интерес.

В числе лиц, иногда приглашавшихся к генералу, были два брата – Дмитрий и Иван Руссо. Пушкин встречал их еще у Крупянского, Земфираки, или Стамо и, реже, у Липранди.

Братьев обычно звали Дино и Янко – оба довольно оригинальные люди, с хорошим состоянием.

Старший, Дмитрий Яковлевич, был женат и постоянно жил в деревне, а зимой иногда появлялся в Кишинев. Только здесь, начиная носить европейский костюм, он забывал оставить деревенские привычки дома. И, кроме молдавского языка, не знал никакого другого. В общем, был в обществе медведь медведем.

Пушкин, наблюдая за ним с особым интересом, потом говорил, что вновь завоеванные народы должны благоговеть, каждый по своему разуму, перед царем, припоминая случай, рассказанный ему, как Руссо однажды переколотил приготовленные для мельницы дубовые дрова, чтобы обогреть царя особыми дровами, а не обыкновенными...

Младший брат Дмитрия, Янко Руссо, местный писатель,

говорил по-французски – провел пятнадцать лет за границей, и, в основном, в Париже! Земляки гордились им.

Ивану Яковлевичу было около тридцати лет, тучный, с широким и самодовольным лицом, одевался, хоть и не модно, но опрятно. Ходил всегда с тростью – под предлогом раны в ногу, будто бы полученной им на поединке во Франции.

Разговаривал тихо, с расстановкой. Обычно избегал застольные разговоры, боясь попасть впросак. Но любезничал с женщинами. В карты не играл и вина не пил.

Он не был начитан, но, вытвердив имена нескольких французских авторов, умел пускать местным вельможам пыль в глаза. И Александр Пушкин сразу почувствовал к нему антипатию за лицемерие и, как человек, открытый нараспашку, не смог этого скрыть. И чем он больше встречался с Янко, тем больше не мог равнодушно переносить его присутствия рядом.

Однажды Бологовский в очередной раз пригласил к себе местного поэта Стамати, когда там должны были находиться и Пушкин с Руссо. Генерал за столом специально принялся расточать похвалы Янко, что очень нравилось Стамати и его двум-трем бывшим здесь же молдаванам.

Александр Пушкин, хоть и видел, что Бологовский все это произносит с долей шутки, понял, что хочет, чтоб и он выразил свое мнение и уже вертелся от нетерпения на стуле. И чем дальше Дмитрий Николаевич расточал комплименты Руссо, тем больше Александр пунцовел. Генерал, обратясь

к Стамати, произнес:

– Я с большим удовольствием прочитал рукопись Янко о впечатлении, сделанном на него в первое время приезда в Париж. Прекрасно он написал и о сравнении его с венским обществом. Должен сказать, что в рукописи я нашел очень много глубокой философии...

Стамати, приняв все за чистую монету, с гордостью самодовольно отвечал: «Да-с – это наш Жан-Жак Руссо».

Но Пушкин вскочил, и не в силах более сдерживать себя, выкрикнул:

– Это правда, что он Иван, что он Яковлевич, что он Руссо, но не Жан-Жак, а просто рыжий дурак! – Руссо, действительно, был рыжеват.

Вскочив с выпученными глазами и красным лицом, Янко потребовал сатисфакции – оказался не менее горяч.

Александру того и надо было — посмотреть, как тот стоит у барьера. И бросил:

– Хоть сейчас готов к вашим услугам! – Но их примирили.

Несостоявшаяся дуэль с Федором Толстым (1826г.)

Александр Пушкин познакомился у драматурга Шаховского, «на чердаке», как называли у того в доме место для игры в карты, с Федором Толстым, по прозвищу «Американец», в 1819 году. Граф имел незавидную репутацию игрока и дуэлянта, в обществе о нем отзывались плохо, но молодой поэт заступался за него всякий раз, когда представлялся случай, – жизнь того, полная приключений, привлекала его. Хоть и был бретёр и картёжник, но – герой нескольких кампаний (включая Отечественную войну 1812 г.) и друг стихотворцев.

В молодые годы ему довелось участвовать в первой российской кругосветной экспедиции (1803—1806) на кораблях «Надежда» и «Нева» под командой И. Ф. Крузенштерна и Ю. Ф. Лисянского. Тогда он был поручиком Преображенского полка и кавалером российского посольства в Японию. Однако его за какие-то проступки, высадили на берег на Алеутских островах, и он был добирался из Аляски в Сибирь пешком, через замёрзший Берингов пролив.

В очередной раз, когда оба находились «на чердаке» и играли в карты, Александр заметил, что Толстой передергивает карты. Возмущенный, указал ему на то, что так нечестно. Игрок, посмотрев на него безразлично, как на насекомое,

ответил:

— Я и сам за собой это замечаю, но не люблю, когда другие мне указывают...

Молодой поэт стал держаться от него подальше и их отношения сошли на нет. Но вскоре в Петербурге распространился слух, что Пушкина «высекли» в тайной канцелярии. Кондратий Рылеев, который якобы получил это сообщение из Москвы от Толстого-Американца, повторил сплетню в чьей-то светской гостиной. Графа он не нашел, а Рылеева на поединок он вызвал, уезжая в ссылку, так как до этого никак не мог застать в городе— находился в Батове, в имении тещи. Встретившись, наконец, они дрались на пистолетах. Рылеев выстрелил вверх, и то же самое сделал Пушкин. Рылеев признался Пушкину, что сообщение о том, что его якобы высекли в тайной канцелярии, ему прислал из Москвы Толстой-Американец.

Однако Александр сейчас уезжал. И единственный выход, чтобы спасти свою честь, он видел в дуэли с Толстым. Но как мог он её осуществить, находясь в Кишиневе, а Федор Толстой — в Москве?

Он написал на него эпиграмму. А чтобы она дошла до графа, его характеристику из рукописной эпиграммы поэт вставил в послание к «Чаадаеву», где назвал своего врага:

и отправил в печать в 1821 году — в Петербург.

По-видимому, эпиграмма до него дошла, раз он прислал ответ с этими презренными словами. Никогда он их не забу-

дет!

Мерзкие эти строки слились в красном тумане и, всякий раз, вспоминая их, поэт опять кипел, а глаза наливались кровью. Дочитав, он неистово разорвал лист с водяными знаками Толстого-Американца, презренного картежника и дуэлянта, и, бросив на пол, долго топтал, скрежеща зубами.

И стал закалять, и постоянно тренировал руки, чтобы, вернувшись, расправиться с графом-дуэлянтом, уже отправившим на тот свет одиннадцать человек.

И, как только вернулся из ссылки в Москву в 1826 году, в первую очередь он поручил Соболевскому Сергею, другу Лёвушки, а своему приятелю, найти Толстого-Американца и передать ему вызов на дуэль.

Но Соболевский предпринял все, что только мог, чтоб дуэль не состоялась — он их примирил.

В жизни мрачной и презренной
Был он долго погружен,
Долго все концы вселенной
Осквернял развратом он.
Но, исправясь понемногу,
Он загладил свой позор,
И теперь он — слава богу —
Только что картежный вор.

Сатиры нравственной язвительное жало

С пасквильной клеветой не сходствует нимало, —
В восторге подлых чувств ты, Чушкин, то забыл!
Презренным чту тебя, ничтожным сколько чтил.
Примером ты рази, а не стихом пороки
И вспомни, милый друг, что у тебя есть щеки.

Несостоявшаяся дуэль с Соломирским (1827г.)

Софи Пушкина, за которой Александр Пушкин стал ухаживать в Москве после возвращения из Михайловского, вышла замуж за Панина.

Но он не сильно огорчился и стал волочиться за другими барышнями. Особенно часто он посещал дом князя Александра Михайловича и княгини Екатерины Павловны Урусовых, у которых были три дочери—красавицы.

Одна из них, Мария, была уже замужем. Две другие, Софи и Натали, были невестами. И у них почти каждый день собирался кружок друзей и знакомых, в основном, молодые люди.

Александр здесь нравилось, и сам он был душой общества: веселый, задорный, постоянно импровизирующий рассказы и сказки, населенные лешими, домовыми, ведьмами. Ему пригodiлось то, что в деревне он добыл с карандашом в руках среди толпы на ярмарках и из милых сказок няни. Разукрашивая их неистощимой фантазией, он их преподносил обществу, как искусный сказитель, подделывая все голоса.

Постоянным гостем у Урусовых был один угрюмый артиллерийский офицер – Соломирский. Этот образованный, хорошо знающий английский язык, поклонник Байрона, и сам

писал стихи – в подражание кумиру.

Неизменный успех Пушкина у всех присутствующих свергал Соломирского в еще большую угрюмость. А внимание молодой княжны Урусовой, Софи, к Александру, Владимир Дмитриевич, влюбленный в неё, не мог спокойно переносить.

Однажды, шутя и балагурия, Александр рассказал, что-то смешное о графине Бобринской. В течение всего рассказа Соломирский мрачно слушал его, кидая гневные взгляды в его сторону. И, едва он закончил, спросил:

– Как вы смели отозваться неуважительно об Анне Владимировне? Я хорошо знаю графиню! Это во всех отношениях почтенная особа, и я не могу допустить оскорбительных об ней отзывов...

– Зачем же вы мне не сказали раньше, что знакомы с графиней Бобринской? А то вы спокойно выслушали весь рассказ, а потом каким—то донкишотом становитесь в защитники этой дамы и берете её под свою протекцию, – парировал Пушкин.

Соломирский промолчал, разговор как—то сам по себе иссяк, и все разъехались по домам. Но на следующее утро к Пушкину прибыл человек, который принес от артиллерийского офицера письменный вызов на дуэль...

Усмехаясь, Пушкин рассказывал приятелю Муханову, к которому прибежал чуть свет:

– Я, ни минуты не мешкая, ответил согласием. Душа моя,

у меня уже был секундант Соломирского – Шереметев, которого он присылал для переговоров об условиях дуэли. Скажи мне, не смог бы ты быть секундантом у меня?

Павел Александрович Муханов – штабс-капитан лейб-гвардии Драгунского полка. Знал стоящего сейчас перед собой еще по Петербургу и помнил его постоянные стычки. Задумался – он ценил эту буйную и гениальную голову...

Но ответил:

– Что же с вами поделать? Я согласен. – Благодарный поэт кинулся ему на шею и ушел успокоенный.

Муханов бросился к Шереметеву и начал переговоры о мире. Но увидел, что Шереметев уже вошел в роль секунданта:

– Если Пушкин не будет драться, то он должен извиниться перед Соломирским...

Но Павел Александрович не ушел от него, пока не убедил:

– Неужели вы не понимаете? История эта ляжет позором на наши головы в случае, если будет убит или ранен Пушкин. Нам надо предотвратить эту роковую случайность и не подставлять лоб гениального поэта под пистолет взбалмошного офицера.

– А какие средства к примирению вы видите? – Наконец дошло и до Шереметева.

Муханов объяснил – как. И в то же утро Шереметев привел Соломирского к Пушкину, куда к этому времени подошел и Муханов. Они, при горячем участии Сергея Соболев-

ского, уговорили обоих помириться.

Довольный Соболевский угостил их роскошным завтраком и, после шампанского, противники сами протянули друг другу руки.

Соболевский после их ухода, смеясь, сказал:

– Боюсь, что ты, мой неразумный друг, еще не раз сумеешь подставить свою гениальную головушку под пули. А я не хочу, чтобы Россия осталась без твоего нормального, а не припомаженного изображения. – И решительно сказал: Павел Александрович Я закажу твой портрет самому известному художнику —портретисту Тропинину: будешь ему позировать!

Пушкин ответил категорическим «нет!». Но вечером, вернувшись с прогулки, встретил дома незнакомого человека, который представился художником Тропининым.

Пришлось уступить и начать позировать.

Несостоявшаяся дуэль с Великопольским (1828г.)

В 1828 году псковский помещик И. Е. Великопольский, поэт, не даровитый, но страстный картежный игрок, написал «Сатиру на игроков», в которой живописал страшные последствия картежной игры. Александр Пушкин, поняв, в чей огород камен, напечатал в самой читаемой, болгаринской «Северной Пчеле», «Послание к В., сочинителю Сатиры на игроков», где высмеивал проповедников, учащих свет тому, в чем сами грешны:

Великопольский тоже ответил стихами и отправил его Булгарину – для тиснения в «Северной Пчеле». Однако тот, который именно этого и хотел – скандала между поэтами, передал стихи Пушкину с запросом, согласен ли он на их публикацию.

Ознакомившись с этим опусом незадачливого корреспондента, Александр написал ему насмешливое письмо: «Булгарин показал мне очень милые ваши стансы ко мне в ответ на мою шутку. Он сказал мне, что цензура не пропускает их, как личность, без моего согласия. К сожалению, я не могу с этим согласиться: «Глава Онегина вторая съезжала скромно на тузе...» – и ваше примечание – «конечно, личность и неприличность». И вся станса недостойна вашего пера. Мне кажется, что вы немножко мною недовольны. Прав-

да ли? По крайней мере, отзывается чем—то горьким ваше последнее стихотворение... Неужели вы хотите со мною поссориться не на шутку и заставить меня, вашего миролюбивого друга, включить неприязненные строфы в восьмую главу Онегина?..

Вы знаете, что я не проигрывал второй главы, а ее экземплярами заплатил свой долг так точно, как вы заплатили мне свой — родительскими алмазами и 35—ю томами энциклопедии. Что, если напечатать мне сие благонамеренное возражение? Но я надеюсь, что я не потерял вашего дружества и что мы при первом свидании мирно примемся за карты и за стихи...»

Великопольский не успокоился и опять написал Булгарину:

«А разве его ко мне послание не личность? В чем оного цель и содержание? Не в том ли, что сатирик на игроков — сам игрок? Не в обнаружении ли частного случая, долженствовавшего остаться между нами? Почему же цензура полагает себя вправе пропускать личности на меня, не сказав ни слова, и не пропускает личности на Пушкина — без его согласия?.. Пушкин, называя свое послание одною шуткою, моими стихами огорчается более, нежели сколько я мог предполагать. Он дает мне чувствовать, что следствием напечатания оных будет непримиримая вражда. Надеюсь, что он ко мне имеет довольно почтения, чтобы не предполагать во мне боязни»...

Тем все и кончилось, без дуэли.

Некто мой сосед,
На игроков, как ты, однажды
Сатиру злую написал
И другу с жаром прочитал.
Ему в ответ его приятель
Взял карты, молча стасовал,
Дал снять, и нравственный писатель
Всю ночь, увы! понтировал.
Тебе знаком ли сей проказник?..

Несостоявшаяся дуэль с Лагренэ (1828г.)

Однажды летом у Арсения Закревского, генерал—губернатора, министра внутренних дел, был раут, когда Пушкин зашел в зал и устремился к его супруге Аграфене, с которой у него была бурная связь. И ему показалось, что он слышит, как секретарь французского посольства в Петербурге — Мари Теодор де Лагренэ, глядя на него, ей шепнул:

— Мадам! Прогоните его!

Александр вспыхнул, развернулся на каблуках и умчался в ночь. Долго он мерил из конца в конец свою комнатку, а утром чуть свет, на дрожках, отправил человека с запиской к хорошему знакомому, Путяте Н. В. — штаб-ротмистру.

С Николаем Васильевичем его познакомил Евгений Баратынский еще в сентябре 1826 года. Сейчас он писал: «Милостивому государю господину Путяте. Ответьте, пожалуйста. Вчера, когда я подошел к одной даме, разговаривавшей с г—ном де Лагренэ, последний сказал ей достаточно громко, чтобы я услышал: «Прогоните его!»».

Поставленный в необходимость потребовать у него объяснений по поводу этих слов, прошу Вас, милостивый государь, не отказать посетить г—на де Лагренэ для соответствующих с ним переговоров. Пушкин».

Когда Николай Васильевич срочно приехал к нему, поэт,

кипя от негодования, повторил ему случай с Лагрэнэ:

– Николай Васильевич, я точно слышал эти обидные для меня слова. Вы меня извините, что записка написана так сухо и таким языком – я хочу, чтобы вы показали её Лагрэнэ. Езжайте к нему и покажите её. Потребуйте от него, чтобы он назначил время. Я хочу удовлетворения!

– А может...

Но Пушкин не захотел слушать его:

– Просто потребуйте от него удовлетворения!

Путята отправился к Лагрэнэ и показал записку. Но тот, с невинным видом удивления, произнес:

– Я никогда не произносил приписываемых мне слов... Вероятно, Пушкину дурно послышалось... Я не позволил бы себе ничего подобного... особенно в отношении к Пушкину, которого глубоко уважаю, как знаменитого поэта России...

– Раз так, то готовы ли вы повторить то же самому Пушкину? – спросил обрадованный Николай Васильевич.

– Конечно же, я повторю. Мне это ничего не стоит. Поехали! – ответил Лагрэнэ с готовностью.

Объяснение произошло без всякой горячности, самым учтивым тоном. Потом противники пожали руки друг другу. Лагрэнэ перед тем, как уходить, немного замаявшись, предложил:

– Давайте завтра позавтракаем вместе... И пригласим нашу даму...

Утром Путята зашел за Пушкиным, и они, на его дрожках,

отправились на завтрак. Когда приехали, Закревская Аграфена Федоровна – виновница всех безумств Пушкина в этот период, уже находилась у Лагренэ.

Она взъерошила его кудрявые волосы, как ни в чем не бывало, улыбаясь:

– Слава богу, ты избежал еще одной дуэли, безумец!

Александр развеселился, много шутил, сыпал экспромтами, но понимал – мнительность, которая казалась другим наверняка надуманной, не даст ему жить спокойно...

Вскоре Закревская уехала обратно в Финляндию, где проживала постоянно, оставив его... Пушкин не знал: к счастью или нет?

Несостоявшаяся дуэль с Хвостовым (1829г.)

Александр Пушкин с самого лица оттачивал свое перо на графе Дмитрие Ивановиче Хвостове. Среди окружения юного поэта было принято насмехаться над неутомимым графоманом. «Арзамасцы» – противники «Беседы» – осыпали сочинения Хвостова, архаичные по стилю и языку, градом эпиграмм. Его имя было мишенью для Жуковского, Батюшкова, Вяземского. Пушкин и сам не отставал от них:

Не было ни одного жанра, в котором Хвостов не писал и представил своим современникам пример благородного, неутомимого занятия отечественной словесностью, вопреки всем препятствиям и неудачам. Потому что, как писал о нем Карамзин: «... любовь достойная таланта! Он заслуживает иметь его, если и не имеет».

В августе 1831 года Пушкин писал своему издателю Плетневу: «С душевным прискорбием узнал я, что Хвостов жив. Посреди стольких гробов, стольких ранних или бесценных жертв, Хвостов торчит каким—то кукишем похабным. Перечитывал я на днях письма Дельвига: в одном из них пишет он мне о смерти Дмитрия Веневитинова. „Я в тот же день встретил Хвостова, говорит он, и чуть не разругал его: зачем он жив?“. – Бедный наш Дельвиг! Хвостов и его пережил. Вспомни мое пророческое слово: Хвостов и меня пережи-

вет». – Но Хвостов умер 1835 году.

Вряд ли при этом Пушкин вспоминал, как однажды в Пскове, куда он часто любил ездить, на одной из станций, увидел графа, читающего книгу, когда над ним по стенам ползало множество тараканов. Вдобавок, заметив, как в дверь пытается влезть еще и свинья, он не выдержал и громко выдал экспромт:

И, хотя все было действительно так, это не понравилось Хвостову, и он вызвал его на дуэль. Но молодой тогда Пушкин сумел отшутиться, что очень любил и сам безобидный граф. Они помирились.

Впоследствии, после прочтения стихотворения «Клеветникам России», Хвостов подарил ему свои стихи, «в знак отличного уважения», а в августе 1832 года Дмитрий Иванович прислал Натали свои стихи, положенные на музыку «Соловей в Таврическом саду».

Граф Хвостов прожил счастливую жизнь, занимаясь именно тем, чем хотел. Но его сочинения, которые составили семь томов и выдержали три издания, в продаже почти не расходились. Он сам скупал их и либо рассылал всем, кому мог, либо уничтожал, о чем все знали. Добродушный по натуре, Хвостов стоически переносил глумление над собой всю жизнь.

Добрый наш поэт
Унизывал на случай оду,

Как божий мученик кряхтел,
Чертил, вычеркивал, потел,
Чтоб стать посмешищем народу.

В гостиной свиньи, тараканы
И камер-юнкер граф Хвостов.

Несостоявшаяся дуэль с Репниным (1829г.)

Дуэли с генералом от кавалерии и членом Государственного совета, князем Николаем Репниным предшествовала долгая история взаимоотношений Александра Пушкина и графа Сергея Сергеевича Уварова, который был одним из основателей «Арзамаса». Это у него на квартире собирались члены кружка до его развала. Уваров даже перевел его «Клеветникам России» на французский, и перевод ему понравился...

Но постепенно между ними стало расти напряжение. У Пушкина есть запись в дневнике: «Уваров большой подлец. Его клеветрет Дундуков (дурак и бардаш) преследует меня своим цензурным комитетом... это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен... Об нем сказали, что он начал тем, что был б...ю, потом нянькой и попал в президенты Академии наук, как княжна Дашкова в президенты Российской Академии».

Спустя несколько дней после избрания Дондукова—Корсакова вице—президентом Академии наук, которого туда протежировал Уваров, появилась его злая эпиграмма:

Вслед за этим в списках разошлась его сатира против Уварова, которая называлась «На выздоровление Лукулла»:

Под Лукуллом поэт имел в виду графа Д.Н.Шеремете-

ва, заболевшего опасной болезнью. Его наследником должен был стать родственник по жене, граф Уваров, который, ожидая его скорой смерти, поторопился опечатать все его имущество. Но больной взял и выздоровел...

Это стихотворения появилось в публике тоже в списках и отношения Пушкина и Уварова были окончательно расстроены. Но поэт, при подготовке сборника к изданию, раскаявшись в резкости своих суждений об Уварове, просил издателей не печатать «...пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа».

Но улетевшая в народ эпиграмма обсуждалась в великосветских гостиных. И, когда до Пушкина дошел слух, что в разговоре с неким Боголюбовым князь Репнин отозвался о нем неодобрительно, он пятого февраля потребовал объяснения.

В письме ещё не было прямого вызова, но были намеки на возможность дуэли в случае неудовлетворительных объяснений: «Некто господин Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня отзывы, якобы исходящие от Вас. Прошу Ваше сиятельство не отказать сообщить мне, как я должен поступить. Лучше, нежели кто—либо, я знаю расстояние, отделяющее меня от Вас; но Вы не только знатный вельможа, но и представитель нашего древнего и подлинного дворянства, к которому и я принадлежу. Вы поймете, надеюсь, без труда, настоятельную необходимость, заставившую меня поступить таким образом...»

На это письмо князь Репнин ответил 10 февраля: «Сколь ни лестны для меня некоторые изречения письма Вашего, но с откровенностью скажу Вам, что оно меня огорчило, ибо доказывает, что Вы, милостивый государь, не презрели рассказов, столь противных правилам моим. Г—на Боголюбова я единственно вижу у С. С. Уварова и с ним никаких сношений не имею, и никогда ничего на Ваш счет в присутствии его не говорил, а тем паче, прочтя послание Лукуллу. Вам же искренно скажу, что гениальный талант Ваш принесет пользу отечеству и Вам славу, воспевая веру и верность русскую, а не оскорблением честных людей. Простите мне сию правду русскую: она послужит вернейшим доказательством тех чувств отличного почтения, с коими имею честь быть».

Пушкин удовлетворился объяснением и ответил: «Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо, коего изволили меня удостоить. Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны». Дуэль не состоялась.

В Академии наук
Заседает князь Дундук.
Говорят, не подобает
Дундуку такая честь.

Почему ж он заседает?
Оттого, что ж.. а есть.

...Теперь уж у вельмож
Не стану нянчить ребятишек;
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах благо есть излишек.
Теперь мне честность – трын-трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду
Казенные дрова!

Несостоявшаяся дуэль с Хлюстиным (1836г.)

Наступивший тридцать шестой год не сулил Александру Пушкину никаких денежных поступлений. Ведь сам отказался получать годовое жалованье в пять тысяч рублей – было необходимо, чтобы оно шло на погашение ссуды, осенью полученной из казны.

«История Пугачевского бунта» вышла год назад, в декабре тридцать четвертого, но не раскупалась. И из Михайловского он приехал, как никогда, с пустыми руками. Значит, на гонорары тоже нет надежд.

А все, что у него есть в запасе, подготовлено к печати для будущего журнала «Современник» ... Мало того, его несдержанность давала плохие плоды – он вызван на дуэль...

История эта началась в августе прошлого года. К нему с просьбой помочь издать книгу обратился бывший секретарь царскосельского лицея Люценко – служил там в то же самое время, когда сам был лицеистом.

Ефим Петрович перевел повесть в стихах Виланда «Перфентий или Желания». Но Смирдин почему—то отказался её издавать.

Пушкин помог Люценко выправить погрешности, посоветовал изменить название и обратиться к Модесту Корфу, заверяя автора:

– Уверяю вас, тот имеет больше возможностей помочь вам.

Но лицейский Модинька, а теперь важный чиновник, ему не помог. Тогда, чтобы ускорить дело, Александр Сергеевич разрешил поставить свое имя на титульном листе книги Люценко.

И только после этого дело сдвинулось с мертвой точки – злополучная книга вышла в свет. Но, по какому–то недосмотру автора перевода не указали. И этот ляп стоил Пушкину репутации – его обвиняли в присвоении чужого труда.

Все это, вкупе со сплетнями, раздающимися со всех сторон о том, что он исписался, что его муза умолкла, сильно терзало душу поэта. Тем более, что вся эта возня была затеяна перед тем, как он решил открыть подписку на новый журнал, названный им «Современник». А ведь он на это столько добивался разрешения!

Александр был уверен в том, что первый номер журнала должен стать жемчужиной литературного издательства – ведь лучшие словесники активно подключились и приносили ему свои произведения! «Современник», как и для него, был для них тоже долгожданным. Жуковский, Вяземский, Гоголь, Тургенев, Козловский – все ожидали его выхода с нетерпением...

Издатель самого большого литературного журнала, «Библиотеки для чтения», Сенковский был приверженцем его литературных и личных врагов – Булгарина и Уварова. Види-

мо, боялся, что с появлением «Современника» он потеряет читателей. И напечатал заметку в своем многотиражном издании, где прозрачными намеками о литературной несостоятельности издевался над Пушкиным.

Люценко, что и говорить, «помог» в этом. Александр Сергеевич думал: «Да, памфлет Сенковского для меня сокрушителен именно сейчас. Он смог убедить читающую публику в том, что я её не уважаю... Но я не буду пока отвечать ему – пострадают интересы „Современника“, а значит – и моих друзей... Я отвечу ему потом, когда всё успокоится...»

Но, сколько бы он ни делал вида, что не обращает на несправедливые выпады внимания, был взбешен – на его честь покушались!

Мало того, петербургское и московское общества бурлили в толках и пересудах по поводу издания «Востолы» Люценко. Мог ли он сдерживаться, обсуждая Сенковского повсюду, где ему доводилось бывать?!

Вот и в беседе с приятелем, молодым богачом Семеном Хлюстиным, не сдержавшись, однажды он выпалил:

– Вы тоже поддались на провокацию Сенковского!

– Но он пишет, что вы обманули публи...

Он не дал ему закончить:

– Я не сержусь на Сенковского... Но мне нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяют нелепости свиной и мерзавцев!.. Это чересчур! И это не может так просто закончиться! – И отскочил от него в бешенстве.

И больше не участвовал в разговорах с другими, даже не помнил, как очутился дома. Но... когда встал утром, его ожидало письмо с печатью Хлюстина.

Горестно подперев голову рукой, долго размышлял о том, что мог наговорить в пылу гнева. Семен Семенович Хлюстин – родной племянник Толстого-Американца, его свата к родителям Натали. До сих пор у них были вполне дружеские отношения. Натали даже прочила молодого богатого надворного советника в женихи одной из сестер – Катрин или Александрине – как получится.

Сломал сургуч – и что же? Спор как будто и не прекращался. Семен Семенович писал: «... Я только приводил в разговоре замечания господина Сенковского, смысл которых состоял в том, что Вы „обманули публику“. Вместо того, чтобы видеть в этом с моей стороны простое повторение или ссылку, Вы нашли возможным почесть меня за отголосок господина Сенковского; Вы в некотором роде сделали из нас соединение... Вы все—таки обратились ко мне со словами, возвещающими фешенебельную встречу: „Это – чересчур“, „это не может так окончиться“, „мы увидим“ ... Я ждал доселе исхода этих угроз. Но – так как я не получил от Вас никаких известий, то теперь мне следует просить от Вас удовлетворения...»

Пушкин, остыв, жалел о своей вспышке, поэтому написал молодому человеку ответ, где признавался, что никак не мог его отождествлять со свиньями и мерзавцами – это произо-

шло в пылу спора, и он просил извинить его. Отправил письмо и стал ждать...

Однако Хлюстин продолжал оставаться непреклонным – приобщение «к свиньям и прочим» глубоко его оскорбило, и Александр его понимал. Поэтому обратился к посредничеству «няньки» – Соболевского, чтобы уладить дело мирно: «Сейчас, видит бог, не до барьера: очень больна мать...»

И вправду, Соболевский убедил Хлюстина не идти против поэта, который явно сожалеет о своей несдержанности. И Семен Семенович Хлюстин, наконец, пошел на примирение.

«Один груз упал с плеч», – вздохнул и поэт с облегчением.

Несостоявшаяся дуэль с Соллогубом (1836г.)

Ольга, сестра Александра Пушкина, сидела, опустив голову и предавалась размышлениям: «Хорошо бы, если Наташа не рассказывала, с подкупающей простотой, все, что происходит с ней на балах. Но – нет! Докладывает Александру все: кто ей улыбнулся, кто сделал комплимент, кто не так слово сказал в её адрес... И вынуждает брата бросаться, как тигр, защищать её честь...»

Единственная сестра поэта, о нем беспокоящаяся больше всех, всегда была в курсе происходящего в обществе, хотя сама никуда не выезжала. Ей уже рассказали историю о том, что на одном из вечеров Карамзиных, салон которых оставался центром литературной и общественной жизни Петербурга, Натали, сидя рядом с подругой, княжной Вяземской, дочерью друга брат, Петра Андреевича, отпускала шуточки по адресу молодого графа – Владимира Соллогубам, начинающего писателя.

Тот шутливо упрекнул её тем, что она – мать троих детей, и ей нельзя так легкомысленно вести себя, как делает это молоденькая княжна Мари. Натали замечание не понравилось, и она принялась, без устали, отпускать в его адрес колкости.

Владимир Соллогуб, чтоб прекратить все это, перевел разговор на господина Ленского, поляка, с которым он бук-

важно на днях познакомился у Нессельроде. Тот танцевал мазурку и как раз очутился перед ними:

– Не правда ли, господин Ленский превосходно танцует? – оглянулся на дам.

Натали, как говорят, отвернулась, зло покосившись на молодого человека. Как она поняла Владимира, и в каком виде преподнесла их разговор Александру, никто не знает, но вскоре пошли толки, что брат его вызвал на дуэль.

Но граф, служивший в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений, по делам уехал в Тверь. И пока дуэль откладывалась...

Ольга расстроено вздохнула. Брат мучил её постоянными тревогами за него. «А вдруг его убьют?» – со страхом сжималась она, становясь совсем маленькой. Она была и так несчастной от всех проблем с ним и родителями, которые доставляли ей немало огорчений своими болезнями и причудами — из-за хронического отсутствия денег...

Граф Соллогуб Владимир, который на самом деле занимался делами Министерства в Твери, ни сном, ни духом не ведал о дуэли, пока через некоторое время после отъезда он не получил от приятеля, Андрея Карамзина, письмо, что он, мол, «поручился за него Пушкину, как за своего Дерптского товарища, что он не будет уклоняться от поединка с ним, и – ошибся...»

Молодой граф вспыхнул. «Как? Разве я уклоняюсь? Я же ничего не знал!?!». Не понимая, что происходит, быстро от-

правил письмо Карамзину, прося срочно написать — о каком вызове Пушкина идет речь?

И скоро ему ответили, что в Петербурге гуляет сплетня, как будто он заговорил тогда, на балу, про Ленского потому, что тот нравится Натали Пушкиной, о чем ей и намекал в разговоре.

Владимир сел и настрочил срочное письмо Пушкину, что он готов к его услугам в любое время и где угодно — хотя за собой не чувствует никакой вины. И описал ему всё, как было...

Переживания Владимира одолевали. Как он, обожествляющий Пушкина, станет против него к барьеру с пистолетом в руках? Из-за такой мелочи, как ничего не значащий светский разговор на балу, в чужой гостиной?

Соллогуба возмущало, что пустышка Натали не поняла его, а досужие люди перетолковали светскую сплетню, и неизвестно, в каком виде она дошла до уважаемого им поэта.

Теперь вот — последовал вызов.... Но он должен будет принять его. Твердо сжал губы: «Впрочем, стрелять в Пушкина меня никто не заставляет, и этого делать я не буду ни за что!».

Вскоре мимо Твери по делам проезжал камер-юнкер Валуев, служивший в чине губернского регистратора. Петр Александрович был женихом той самой княжны Вяземской, Мари, и был в курсе всего происходящего в Петербурге.

Он и рассказал ему новость:

– Знаешь, что около Пушкиной сильно увивается француз Дантес – кавалергард?

Владимир сардонически усмехнулся:

– И что же? В то самое время, когда её муж будет стреляться со мной, жена его будет кокетничать с французом?!.. Что и требовалось доказать!.. – Граф еще больше утвердился во мнении, что Натали Пушкина на самом деле – обыкновенная пустая кокетка. «Позорит такого мужа!», – возмутился в душе, но ничего вслух не произнес...

Александр же Пушкин, подумав на досуге и остыв, тоже хотел, было, махнуть на все рукой и поручить все Соболевскому, чтобы тот уладил дело миром, но невежливость графа, как ему казалось, относительно жены, по светским законам требовала сатисфакции. Жена без устали в ухо зудела, что слышит за спиной сплетни, где бы она ни появилась. Так сидела бы дома и их не было бы! Пришлось написать молодому графу письмо. А попросил отвезти его в Тверь Хлюстина Семена – того самого, с кем чуть не подрался на дуэли чуть раньше... ²

Ольга от всей души болела за брата. Знала, что и долгожданный день выхода первого номера журнала 11 апреля 1836 года, не снимет этот груз с плеч – он еще находился в Михайловском и не знал об этом.

² Сатисфакция – это в феодально-дворянском обществе удовлетворение за оскорбление чести, обычно в форме дуэли, поединка с оскорбителем

Александр приехал и оказалось, что «Современник» вышел» и – хоть одна радость за все последнее время! В Петербурге жужжали, что журнал покори́л всех содержательностью, и следующих номеров читающая публика ждет с нетерпением.

Когда брат заскочил к ней по дороге от матери, он поделился с ней сомнениями: значит ли это, что журнал будут покупать? И Ольга видела— это был тот самый главный вопрос, который больше всего беспокоил его – наряду с неоконченным делом по дуэли с Соллогубом. Он признался, что уже и не рад, что вызвал невиновного человека из-за глупостей жены... Сказал: «Оля, теперь-то я знаю, что Соллогуба в городе нет— он поехал в Тверь по делам службы. – С горечью добавил: – Но и невозможно ведь ждать, пока граф приедет! Надо, наконец, решить этот вопрос чести». И вскоре брат поехал в наемном экипаже в Тверь. Но – разминувся с ретивым служащим Министерства внутренних дел – тот как раз уехал оттуда на два дня.

И, как стало ей известно, брат не солоно хлебавши, оказался в Москве – у друга Нащокина. Хорошо еще, что Соллогуб, вернувшись и узнав, кто к нему приезжал, примчался туда следом за ним. Александр потом рассказывал Соболевскому, как тот на рассвете следующего дня, постучался к нему в дверь квартиры Нащокина.

Соболевский писал, что, конечно, Александр сначала встретил молодого графа настороженно. Но, как два литера-

тора, они сразу перешли к обсуждению выхода «Современника» в свет и увлеклись разговором, совсем забыв о дуэли.

Нащокин же сделал так, что потом оба втянулись в разговор о светских новостях, о глупостях, из-за которых разыгрываются трагедии с дуэлями и т.д... В общем, они примирились. Но Саша, привыкший соблюдать все светские условности, всё же попросил молодого писателя написать какое—нибудь извинительное письмо Наташе, чтобы успокоить её и на этом все закончить.

И Соллогуб с готовностью сделал все так, как брат хотел и, слава Богу, дело закончилось так – без дуэли.

Ольга глубоко вздохнула: «Передышка! Надолго ли?..»

Преддверие дуэли А. Пушкина и Ж. Дантеса

«Пошли мне долгу жизнь и многие года!» —
Зевеса* вот о чем и всюду и всегда
Привыкли вы молить — но сколькими бедами
Исполнен долгий век!..

Так он писал еще недавно. «Да, сколькими бедами исполнен долгий век! Зачем тогда мне долгая жизнь?», — подперев голову рукой, надолго застыл в одной позе.

Подозрения о том, что его семья стала достоянием сплетен, уже не нуждались в подтверждении. Оказалось, начиная с октября, в городе только и занимались слухами о взаимоотношениях Жоржа Дантеса и Натальи Николаевны, которую, как марионетку, дергали за нитки оба Геккерн — хотели заставить её поступать так, как они сами хотят.

Двадцатидвухлетний корнет Кавалергардского полка, у которого было два имени и три отечества, этот злосчастный француз, ворвался в мирную, полную творческого труда, его жизнь за два с половиной года до катастрофы.

Дантес приехал в Россию через несколько лет после июльской революции во Франции, свергнувшей династию Бурбонов, чтобы сделать карьеру. И в Петербурге ему было оказа-

но особое внимание. Император Николай I сам представил его офицерам полка.

Взяв его за руку, сказал:

– Вот вам товарищ. Примите его в свою семью, любите... Этот юноша считает за большую честь для себя служить в Кавалергардском полку; он постарается заслужить вашу любовь и, я уверен, оправдает вашу дружбу.

Еще тогда многих насторожили рассказы о таком приеме: с чего бы это – такая честь!? После, встречаясь с ним в гостиных вельмож, на балах и раутах, заметил, что беспечный француз привлекает к себе золотую молодежь остроумием, отсутствием боязни кого-то обидеть, уязвить, что делал всегда с удовольствием.

Слышал и то, что к своим обязанностям по полку Дантес относится небрежно, и за недолгую службу уже был подвергнут наложению множества взысканий.

С интересом поэт присматривался к нему, и одно время даже наслаждался его легким трёпом обо всем и ни о чем. Было видно, что легкомысленный француз не обременял себя лишними знаниями. «Тем не менее – нравится всем женщинам без исключения! Не ожидал, что и моей жене... А теперь вот как все закрутилось!»

Натали же до сих пор с презрительным достоинством терпевшая ревнивые выходки мужа, косые и любопытные взгляды всюду людей, где бы ни появилась, теперь решила изменить ситуацию – она стала опасной для её покоя и репутации.

ции. Ночью он, под его устрашающим давлением, призналась во всем – другого выхода у неё просто не было.

Александр, слушая её, скрипел зубами, но не прерывал, хотя сам иногда задавал вопросы, вонзая ногти в ладони, чтобы не вспылить. Зато теперь он знает всё – из первых уст. Он-то уже слышал, что во время очередного объяснения с французом, жена попыталась, в первый раз, дать твердый отпор домогательствам кавалергарда. Об этом рассказала княгиня Вяземская, ставшая свидетельницей их разговора на повышенных тонах. Но он хотел, чтоб жена сама рассказала обо всем. Однако она молчала, видимо, думая, что сама справится. Не понимала, с кем имеет дело!

Барон Геккерн, голландский посланник в России, так называемый приемный отец простодушного с виду Дантеса – очень хитер, расчетлив и изворотлив. С первой минуты этот человек маленького роста с отталкивающей внешностью Сатира, на лице которого играет хитрая улыбка, и окруженный всегда молодежью, склонной к разврату, вызвал у него неприятие. Видел, как тот питал слабость к любовным сплетням и интригам, сам являясь непревзойденным мастером по этой части.

Луи Геккерн твёрдо принялся за дело, видимо, посчитав, что настала пора взять всё в свои руки – начал толкать так называемого сына в объятия его глупой жены...

Александр, после признаний Натальи Николаевны, теперь точно представил, как всё это происходило. Встретив её

в конце октября на каком-то рауте, — она же считает себя обязанной посещать все балы и рауты! — посланник позволил себе обратиться к ней с оскорбительной речью:

— Мой сын заболел и умирает из-за вас, заклинаю вас — спасите его!..

Она прервала свой рассказ. Скрипя зубами, с ходящими под скулами желваками, он ждал продолжения. А она молча пережевывала то, что там происходило. Затравленно оглядывалась по сторонам, боясь, что кто-либо подслушает этот гадостный шепоток гадостного старика — он открыто побуждал её к измене мужу! — она искала, где от него спрятаться. Но даже не пыталась покинуть эти места...

— Рывкнул:

Продолжай!

Та, не поднимая глаз, рассказывала:

— Когда я приехала с вечера, поведала о разговоре сестре. Но Азя с возмущением, бегая по комнате, кричала на меня: «Таша, развратный старик ведет двойную игру! Боже, какие гадкие нравы — так называемый сын сделал его поверенным в своих любовных делах, а он, мало, что помогает обольстить понравившуюся ему женщину, но и руководит его действиями! Эта семейка тебя погубит! Прекрати с Дантесом кокетничать, Таша, пощади мужа и детей!..» — Упавшим голосом прошептала: — Но я не могу от него отвязаться нигде с тех пор, как его сын не выходит в свет из-за болезни: шепчет мне о его любви, постоянно намекает на то, что я могу оставить

тебя и выйти замуж за Жоржа...

Александр явственно издал звук, похожий на рык и скрежет зубов при имени «Жорж». Но только спросил:

– А дальше? Что было дальше?

– Азя кричала на меня: «Таша, и ты веришь ему?! Не верь! Не верь ему! Я видела, как барон с тайным злорадством заставляет краснеть и трепетать тебя прилюдно, чтобы все видели твой позор. Он тебя ненавидит!.. Ты ведь знаешь – в свете говорят, что он со своим сыном в связи...»

Пропустила в рассказе, что тогда, как ужаленная, вскочила и стала бегать по комнате, громко возмущаясь: «Это неправда! Не может такого быть, это наговоры на них...» И как Александрина смотрела на неё с презрительной жалостью. «Видимо, поняла, что заноза запретной любви глубоко вонзилась в моё сердце».

Но та продолжала настаивать: «Таша, тебе нужна защита от его действий, иначе Геккерны совсем погубят твою репутацию. Расскажи все Пушкину. Заклинаю – расскажи! Он что-нибудь придумает...»

Сцена последующая за этим, предстала ее глазам явственно, когда она ответила ей: «Я боюсь его необузданного нрава – он что-нибудь сотворит с ним, Жоржем...». И тогда Александрина, которая присела, было, опять вскочила. У неё на шее жилы вздулись от негодования. Она закричала: «Ах, так! Ты боишься, что твой муж сотворит с Дантесом что-нибудь! А ты, сестра, не боишься того, что Пушкин обязатель-

но дознается обо всем и тогда дуэль неминуема?! И что его могут убить!.. Отца твоих детей? Опомнись!.. Лучше оставить общество и уехать в деревню, чем такое позорное существование в свете!».

После обоюдного долгого молчания, со вздохом ей пришлось пообещать: «Да, ты права, Азя... придется, наверное, уехать... Да, лучше уехать. О том же постоянно просит и Пушкин... В Михайловское... Ты права. Надо оставить этот город сплетников...»

Но тогда разговор так и остался разговором.

Муж ждал все это время молча, не вмешиваясь в её мысли.

И она продолжила:

– Через два дня я получила от Идалии Полетики записку. Она приглашала к себе... Но, когда явилась туда, застала у неё только... Жоржа.

Промолчала и о том, как удивилась его виду: худой, бледный, с красными навывкате глазами, не похожий на себя – от его самодовольной веселости и балагурства не осталось и следа. Как её сердце тогда дрогнуло от жалости к нему!.. (если бы ее муж догадался, о чем она умалчивает, он бы сказал, что он страдает не от любви, а от известной болезни).

Окрик мужа вернул её от воспоминаний в действительность:

– Продолжай, жёнка!

Натали вздрогнула – это «жёнка» прозвучало, как плевок

в лицо. Еле прошептала:

– Я застыла от неожиданности – не ожидала его там увидеть... Дантес бросился передо мной на колени. – Увидела, как исказилось лицо Пушкина от судороги, перечертившей его мгновенно. Со страхом глядя на страшного в своем гневе мужа, прошептала: – Он не давал возможности даже задать вопрос – где же хозяйка дома.

Муж вскочил. Навис над нею. Прорычал:

– А он? Что делал он, этот бесчестный человек?

– Он вытащил пистолет из-за пазухи... со словами... «Если вы сейчас же не отдадитесь мне, я себя застрелю!..» — Она боялась поднять глаза и посмотреть на застывшего столбом мужа. Со слезами в голосе она прокричала: — Не могла же я допустить, чтоб он при мне застрелился! – Несмотря на скрип зубов мужа, решила быстрее закончить эту муку ожидания – что с ней будет. И продолжила: — Я ему сказала: «Ах, успокойтесь, Жорж... Что вы делаете? Боже, где Идалия?». – Я закричала: – «Кто-нибудь придет ко мне на помощь или нет?».

– И что? Что происходило дальше? – рывкнул страшный в своем гневе Пушкин.

– Жорж (опять! При каждом звучании ненавистного имени лицо его исказилось неузнаваемо) увидел дочь Идалии с итальянской бонной, которые прибежали на крик... Я вырвалась от цепляющихся за платье его рук и успела выскочить на улицу. Подбежав к экипажу, крикнула кучеру: «К Вя-

земским!»

– Почему ты поехала к Вяземским, а не домой? – раздался опять разгневанный голос.

Натали молчала. Не могла же она ему сказать, что поехала туда, чтобы княгиня рассказала ее мужу все в таком виде, в каком она сама хотела представить – если потом Идалия начнет разносить сплетни. А Вяземская – друг мужа и могла потом защитить её.

Приехав к княгине и представ перед ней с видом взволнованным и дрожащим, она позволила ей себя успокоить, а потом, с негодованием, принялась рассказывать, дрожа и ломая руки:

– Ах, Вера Федоровна! Мне только что удалось убежать от Геккерена-Дантеса...

Кинув взгляд на страдальческое лицо мужа, оторвалась от всех этих мыслей и вернулась в собственную гостиную со вздохом, чтобы продолжить неприятный разговор с ним.

– Я рассказала княгине, без утайки, о преследованиях, которым все время подвергаюсь от Луи Геккерена. Потом – и Азе.

Натали решила не говорить о настойчивых советах Александрины сказать мужу обо всем. Она в очередной раз пресекла попытки уговорить её:

– Нет, Азя, я не могу. Боюсь, что случится непоправимое, ты знаешь бешеный нрав Пушкина...

А этот «бешеный» сейчас, угроженно обхватив голову ру-

ками, покачивался на диване из стороны в сторону. Натали нерешительно встала, но Александр не обращал на нее больше никакого внимания, даже когда она медленно пошла к двери, думая об Идалии Полетике. Познакомившись осенью тридцать первого года, после переезда в Петербург, она с ней постоянно дружила, да и считались они родственницами – отец Идалии Строганов приходится дядей матери... «И Пушкин относился к ней всегда дружески. А она... Может, Идалия мстит мне за то, что Жорж отличает меня..., говорили, что у них с Жоржем непонятные взаимоотношения... Она тоже, видимо, его любит. Но хитро не обнаруживает свои чувства...»

Натали знала, что после её рассказа о встрече с Дантесом в доме Идалии Пушкин ездил к той. Что он наговорил Полетике? Он же в гнев страшен, как тигр!

Она не могла знать, что княгиня Вяземская, которая уже знала всю подоплеку ухаживаний злополучного кавалергарда за его женой, рассказывала Пушкину, как однажды разозлилась и заявила французу:

– Барон! Мне дорога честь моего дома – прошу свои ухаживания за женой Пушкина осуществлять, где—нибудь за пределами моего дома!

Дантес ничего не возразил, но дерзко глядел на неё до тех пор, пока сама княгиня не перевела глаза на Натали, которая с интересом прислушивалась к разговору и которая сразу опустила голову, услышав гневные слова Веры Вяземской.

Княгиня видела – Натали явно влюблена. Но не могла же она о своих догадках сказать бедному другу, который и так не похож на себя от переживаний. Но он сам достаточно прозорлив, чтобы сопоставить кое-что и что-то изменить...

Но в следующий раз все повторилось – Дантес приехал и не отходил от Натали весь вечер.

Пришлось ей опять гневно объявить наглому молодому человеку:

– Мне остается одно – приказать швейцару, чтоб он объяснил: мы не принимаем вас. Несмотря на то, что здесь будут стоять другие кареты и экипажи!..

«Бедный Пушкин! Когда Дантес-Геккерн перестал ездить к нам, твоя Натали стала больше посещать Софью Карамзину. Ведь к ним он более чем вхож...»

Муж княгини, Петр Андреевич Вяземский, в очередной раз был влюблен и пропадал в доме своей последней пассии – Мусиной-Пушкиной. Вера Александровна философски отнеслась ко всем его влюбленностям – все равно вернется под её крылышко! Из-за того, что князь всецело был занят своими чувствами, ему не до поэта. Они с ним редко встречались и то – случайно. Поэтому, она не знала, что до последнего разговора с женой поэт жил, радуясь, что, наконец, набело переписана «Капитанская дочка» и теперь её можно отдать в печать. В начале ноября читал её вслух у них, и тогда он очень радовался, что роман понравился. Все присутствующие, поздравляя, заверили его, что талант его стал глубже,

что «он не исписался, как о том шепчут по углам его литературные враги».

Александр же был счастлив, как давно не был, не зная о том, чем живет и интересуется Натали. Не подозревал о новой атаке голландского посланника на неё, чтобы заставить бросить мужа, а затем «выйти замуж за его «сына», угрожая ей чем-то, и уговаривая на эту аферу. Не знал, что глупая жена думает, что, если начнет избегать Луи Геккерна, который всячески заманивает её на скользкий путь, всё пройдет, забудется. Но, вместе с тем, жена не пропускает ни одного бала, ни одного раута, ни одного Дворянского Собрания. Повидимому, едва ей удавалось избежать встречи с бароном в одном месте, как он вырастал в другом, преследуя ее, как тень...

Не знал о том, как старый лис-барон искусно находит случаи нашептывать ей на ушко:

– Мой сын безумно любит вас! Он способен, в порыве отчаяния, наложить на себя руки. Вы не знаете, как он несчастен, как мучается от любви к вам: не ест, не спит по ночам – я не могу его успокоить. Пощадите его!

– Барон, оставьте меня в покое! – шептала Натали в ответ, пугливо оглядываясь по сторонам. Но вновь и вновь слышала его шипение —сзади или сбоку: «Как вы холодны и бессердечны. Пощадите сына ради отца его».

Поэт не знал, что такие разговоры теперь приходилось выслушивать его жене всякий раз – при каждой новой встрече.

На балу, в Дворянском Собрании, старый лис особенно настойчиво принялся за неё:

– Я разработал план, обдуманный до мельчайших подробностей. Нам побег за границу обязательно удастся – под моей дипломатической эгидой...

Наконец, Натали поняла – это травля. Вернувшись с бала, кипя от негодования, передала Александрине позорное предложение голландского посла. Но старшая сестра, как и всегда, принялась уговаривать её открыться мужу. Она не захотела...

Наступило 4-е ноября и пришли эти подмётные письма, где её мужа возводят в ранг заместителя великого магистра рогоносцев...

Взбешенный после чтения письма и поняв, что такие точно письма разосланы и его друзьям, Пушкин послал вызов Дантесу, который, он знал, не придавая этому никакого значения, целый год волочится за его женой.

Дантес, после его вызова, срочно «заболел», а приемный отец, боясь, что дуэль поставит под угрозу его пребывание в России и дальнейшую карьеру, попытался поэта убедить, что Жорж влюблен не в его жену, а в ее старшую сестру, Катрин. Александр, конечно, не поверил, но сделал так, что богатый теперь наследник – после усыновления его голландским послом, – женился на Катрин. Геккерны были в шоке от письма Натали, написанного под его диктовку, что они согласны на брак Дантеса и Катрин (существует версия, что

Александр Пушкин сам изготовил все эти письма, в том числе – и себе, чтобы разыграть гнев и женить неугомонного Дантеса на нелюбимой им Катрин, сестре жены).

Тогда поэт отказался от дуэли, при условии, что Дантес женится на Катрин. К этому подключились тетушка Загряжская, Жуковский. Показав себя неумолимым, Александр требовал только одного – женитьбы француза на свояченице. Этого они больше всего не хотели. Но вынуждены были согласиться, и Катрин, неожиданно для всех, вышла за француза замуж. Попытки дружить домами поэт сразу пресек – запретил пускать на порог своего дома кавалергарда. Но оказалось, что тот находил места, где еще наглее ухаживал за Натали несмотря на то, что теперь женат на её старшей сестре...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.